

18+

АНДРЕЙ КАЙГОРОДОВ

РОМАН

*Вибрирующая
Реальность*

Андрей Кайгородов

Вибрирующая реальность. Роман

«Издательские решения»

Кайгородов А.

Вибрирующая реальность. Роман / А. Кайгородов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832526-7

Захватывающий, приключенческий роман с элементами фантастики. Двое неудачников, ищущих работу в Москве, знакомятся с менеджером фирмы, который предлагает им очень странную, но высокооплачиваемую работу. Молодые люди оказываются втянутыми в опасную авантюру, связанную с риском для жизни. Они попадают в страшный, пугающий, сказочный мир средневековой русской деревни. Пребывая в этой деревне, им разными способами приходится выживать, для того чтобы обрести свободу и вернуться в Москву. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832526-7

© Кайгородов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вибрирующая реальность

Роман

Андрей Кайгородов

© Андрей Кайгородов, 2024

ISBN 978-5-4483-2526-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

В четверг, в 16 часов, менеджер среднего звена Гриша Гвоздев, врач Самсон Штиц и аспирант кафедры искусствоведения Арнольд Вазян, присели за столик летнего кафе, рядом с метро «Китай-город». Самсон и Арнольд не были знакомы, однако появились в этом месте, в этот час по одной причине – они искали работу.

В большом современном городе, таком, как Москва, за сутки появляется более десятка тысяч предложений различных вакансий. Выходит масса специальных газет и журналов, где можно, казалось бы, найти все что душе угодно, подобрать себе работу по вкусу. Самсон и Арнольд не доверяли печатным изданиям, они искали подходящие вакансии через интернет. Запрос в поисковике «Работа» – выдаст желающему заняться делом десятки сайтов, предлагающих различные трудоустройства. На этих сайтах разложено все по полочкам: различные сферы деятельности, график работы, ценовая категория и масса иных нюансов.

Однако при всем этом изобилии и чрезмерном богатстве выбора, соответствующую всем вашим запросам работу найти, ой как нелегко. Устраивает график, смешная зарплата. Устраивает зарплата, ты обязательно не подходишь по возрасту, полу, регистрации и еще непонятно чему. А если все складывается как нельзя лучше и по телефону тебе говорят – зарплата высокая, график свободный, через три месяца должность начальника и сулят прочие блага цивилизации. Восторг и умиление, радость, переполняющая душу, овладевает тобой. Нашел, наконец-то, то самое, что искал всю жизнь. А что в результате? Ты приходишь на собеседование и выясняется, что это сетевой маркетинг, нужно внести определенную сумму за обучение или же это будет первоначальный взнос с которого в дальнейшем в твой карман будут капать дивиденды, или еще непонятно на какие нужды пойдут внесенные деньги. Зато всю дальнейшую жизнь ты будешь лежать на диване, плевать в потолок и думать только о прекрасном, необходим всего лишь первый взнос. Короче, надувательство чистой воды.

Если же не маркетинг, то сделка, причем особого рода. Тебе утром дают какой-нибудь говеный товар, а к вечеру ты должен его, неважно где, продать и принести в контору деньги. Товар может быть любой: книги, кружка-термос, утюги, ножи и прочая хренотень, которая никому не нужна. И когда ты заходишь в учреждение или магазин и, улыбаясь, предлагаешь им кружку-термос, тебя не очень вежливо посылают в жопу. Это происходит вовсе не из-за того, что перед тобой к ним уже заходили человек тридцать с подобными утюгами и кружками, а просто так принято в Москве. «Здравствуйте – широкая улыбка, обнажает желтые редкие зубы – у нас сегодня акция!

Идите в жопу со своей акцией!» Юноша или девушка, не переставая улыбаться, разворачиваются и уходят. Самсон и Вазян все это испытали на себе.

При поиске работы в большом городе слишком много сложностей и трудностей. Это своего рода мытарство, которое человек, если он устраивается самостоятельно, без протекции просто обязан пройти, прежде чем получить хоть какую-то работу. Интенсивный поиск работы предполагает как минимум два, три собеседования в день. Ты записываешься по телефону, приходишь в назначенное время. Секретарь дает тебе бумажку с вопросами, на которые ты должен ответить. Вопросы практически везде одинаковые. Быть может, в двух, трех пунктах найдется кое-какое отличие. Должно быть, это сделано с целью показать, что фирма не абы какая, а с креативным подходом и для нее важно, чтобы ее сотрудники были людьми творческими. Хотя по большому счету, всем глубоко насрать как на творчество этих людей, так и на самих людей. После ответов на вопросы нужно заполнить так называемое резюме. В котором непре-

менно требуется указать, пол, национальность, вероисповедание, семейное положение и даже, конечно же, ожидаемую зарплату. Лишь после заполнения всех этих никому не нужных бумажек, через минут двадцать вас приглашают к менеджеру на собеседование. И в этом новом адском кругу, приходится сидеть, внимательно слушать очередного слугу дьявола и словно дрессированная обезьянка, понимающе кивать. Затем сбивчиво, волнуясь и запинаясь объяснять причину увольнения с прежней работы и почему хочешь работать именно в их компании.

Арнольд и Самсон не первый месяц искали работу и того и другого тошнило от многочисленных анкет, резюме, которые им всякий раз приходилось заполнять на очередном собеседовании.

Если Самсон искал работу в определенной области, а именно связанной с медициной, то Вазян вовсе не знал куда себя применить. Он было хотел устроиться искусствоведом, консультантом продавцом в художественную галерею и даже в некоторые самолично сходил, а иные обзвонил по телефону. Итог был печален. Как правило, художественная галерея – это маленькая частная лавочка, где работают родственники и их знакомые. Штат таких галереек небольшой, три, четыре человека. Как правило, – это мама, папа, дочь или сын, может быть бабушка, вяжущая носки в ожидании клиентов. И куда бы Вазян ни обращался, кому бы ни показывал свое блистательно составленное резюме. Он всюду получал отказ.

После неопределенного срока поисков работы Вазяну и Самсону пришлось занизить свою высокую планку предъявляемых требований, затем еще занизить, а после и вовсе опустить до самого плинтуса. И вдруг тому и другому на глаза попало странное объявление о подработке. Оно ничем не отличалось от заманух на вроде сетевого маркетинга или торговли кружками-термосами, однако, ребята клюнули и по этой причине оказались на метро «Китайгород», в пивном кафе, под брезентовым навесом.

Гриша, в свою очередь, пришел на встречу, как представитель фирмы, разыскивающей квалифицированных специалистов для непростой, разовой работы, связанной с большим риском.

– Господа, очень приятно видеть вас – натянато улыбнулся Григорий и замолчал.

В этой улыбке было что-то неестественное, фальшивое и скорее походило на гримасу, чем на дружеское приветствие. Оба соискателя отметили для себя это, но не подали вида. Вазян также натужно улыбнулся в ответ, какой-то устало измученной улыбкой, Самсон лишь приветственно кивнул головой, не в силах более улыбаться. Они вопросительно уставились на работодателя, ожидая от него предложения и разъяснений по поводу предстоящей халтуры. Гриша, не имеющий никакой практической квалификации рекрутера, стал выстраивать свою тактику общения самым непонятным образом. И выглядел он как-то нелепо, хотя и был одет чистенько, со вкусом. Работодатель словно школьник, выступающий в самодеятельности, заметно нервничая, пытаясь собраться с мыслями.

Театральная пауза слишком затягивалась и чтобы как-то разрядить обстановку, Вазян предложил по стаканчику пива, так сказать, для завязки разговора. Ему нечасто, но случалось бывать в этом кафе одному или в компании. Пиво в кафе было разных сортов, но одинаково невкусным практически всегда разбавленным и, по всей видимости, наливалось из одной бочки, зато стоило недорого в отличие от иных заведений, находящихся поблизости.

– Я не против – тут же согласился Гриша.

Для того чтобы собраться с мыслями и внятно объяснить, для чего же он пригласил, двух этих молодых людей именно в кафе, а не в офис, ему в данный момент необходимо было выпить.

– Я не пью пиво – стал потихоньку напрягаться Самсон, не вполне понимая, что происходит.

Данная ситуация ему нравилась все меньше. Его удерживало лишь то, что нет этих гламурных тупых дур с блядским блеском в глазах, сующих ему листочки для заполнения. Сам-

сон стал заметно скучать, как-то манерно оборачиваясь по сторонам, раздумывая уйти или же еще задержаться на несколько минут. Это было первое в его жизни собеседование, которое проходило таким нелепейшим образом.

– Че так? – насмешливо спросил Григорий, стараясь показаться непринужденно раскованным, таким рубахой парнем – вредно, живот растет?

– Нет, – стал потихоньку заводиться Самсон, уже жалея, что обратил внимание на это дурацкое объявление – я как врач, с полной ответственностью могу заявить, живот растет не от этого. В Англии проводили опыты на протяжении тридцати лет, и выяснили, что пиво не является причиной ожирения. Корни этого бедствия лежат намного глубже. Вы, кстати, знаете за какое время разлагается труп?

– Это от почвы зависит – блеснул интеллектом Вазян.

– Да, да – Самсон, словно лондонский денди, вальяжно закинул ногу на ногу и с умным видом знатока принялся разглагольствовать. Все равно время было бездарно потерянно и он решил блеснуть интеллектом – это все так. Сырая, засушливая почва немаловажный фактор в процессе разложения трупа. Но я не о том. Предположим обычная, наша почва средней полосы, обычное кладбище, ну пусть Ваганьковское.

– Ха, Ваганьковское, это сколько же бабла то надо? – усмехнулся Гриша.

– Что вы, туда так просто не попасть – поддакнул ему Арнольд – там великие мира сего лежат, Высоцкий, Есенин. Я был там всего один раз, красиво. Окуджава там, на его могиле крест деревянный стоял и надпись Булат Шавлович Окуджава. Правда, давно это было. Сейчас уже, наверное, отгрохали памятник. Хотя, тот, что стоит на Арбате, тихий ужас, он там на бомжа похож.

– Я не о том – слегка обиженно произнес врач – а вовсе о другом. Кто где лежит дело третье, памятники оставим на совести скульпторов. Раньше трупы разлагались раза в три, четыре быстрее, чем сейчас. А почему спросите вы? А я вам отвечу, наши тела, кожа, мясо, все пропитано лекарствами. А в настоящий момент ведется разработка нового поколения антибиотиков, которые полностью будут усваиваться организмом, вот тогда, я думаю, мы перестанем разлагаться, совсем. А пока, половина этих средств усваивается организмом, а вторая половина естественным путем выходит в окружающую среду, попадает в канализацию. А там живут живые организмы, поедающие, простите за грубость, дерьмо. У них тоже вырабатывается иммунитет, при этом они мутируют.

Вазян хихикнул, вспомнив своего старого приятеля. Однако его смешок не остался незамеченным.

– Что-то не так? – словно петух взъерошился Самсон.

– Да просто вспомнил – попытался оправдаться Вазян – про покойников. Мне в молодости попала одна книжечка забавная, называется «Танатология», наука о смерти по-нашему. Автор некто Рязанцев, обычно я не запоминаю фамилии различных ученых, а тут запомнил. Книжка такая зеленая, как купорос.

Вазян вновь улыбнулся.

– И чего? – заинтересовался Григорий.

– Занимательное чтиво, я прочел за один день, оторваться не мог. Конечно же, мне хотелось с кем-то поделиться. Когда ты один обладаешь какими бы то ни было сакральными знаниями, это неинтересно, более того, словно не проходящий зуд, свербит тебя изнутри и говорит: поделись, поделись хоть с кем, но поделись. Ну, я поделился со своим приятелем, на беду, подсунул ему этот научный труд. А он, приятель мой, вечный холостяк, все ищет свою вторую половину и никак не может найти. Его друзья, в очередной раз решили свести две одинокие души. Ну как это обычно бывает – «ты моя женщина, я твой мужчина, если нужно причину, это причина». И вот оставшись наедине, более того, ночью в постели, уже всю познакомившись с прекрасной, романтической барышней, он, по всей видимости, решил, что если их тела так

удачно поладили, то и души непременно должны проникнуться единым пониманием сущего. Этот юный книголюб среднего возраста без утайки поделился своими знаниями, почерпнутыми из этой зеленой книжки. Всю ночь мой приятель рассказывал возлюбленной, романтической, утонченной, мечтающей о настоящей любви барышне о покойниках, разложении, трупных пятнах и прочих эротичных вещах. Итог печален, она его выгнала. Вот такая забавная история – вновь усмехнулся Вазян.

– Он, чего у вас сумасшедший? – покрутил возле виска рукой Гриша.

– Все мы, в той или иной степени сумасшедшие – утомленно выдохнул Штиц.

– Ну уж нет – возразил Григорий – я себя идиотом не считаю и не хочу, чтобы кто-то другой так думал обо мне...

– Послушайте, доктор – не дал договорить ему Вазян – а что же с пивом-то, почему вы его не пьете, оно вроде ни на ожиренье, ни на разложение не влияет?

– Не люблю я его, не понимаю эстетического наслаждения. В чем оно выражается, в походе в туалет каждые пять минут? В слове кайф, после мочеиспускания? Не знаю. Чище медицинского спирта, по всем качественным характеристикам, в природе нет алкоголя. Все остальное по сравнению с ним сивуха. Отчего у тебя голова с утра болит, от этой самой сивухи, разных эфирных примесей, масел, побочного продукта перегонивания. А с медицинского, сколько ни пей, голова не заболит. Если много выпьешь, проснешься и еще пьяный будешь. На голодный желудок водички свежей выпьешь и снова поплывешь.

– Никуда я не хочу плыть – возразил Гриша – и пьяным просыпаться. Это у нас раньше в пивбаре колдыри собирались. Им принесут тазик пива.

Гриша посмотрел на двух оппонентов и прочитал в их глазах, явное непонимание и крайнее удивление, словно бы они спрашивали, где находятся подобные заведения, в которых пиво наливают в таз?

– Не удивляйтесь, тазик – это поднос с двенадцатью кружками пива. Так вот, им принесут этот тазик, поставят перед ними, колдыри открывают фунфырик, не знаю с чем, со спиртом, а может с одеколоном, или каким-нибудь зубным эликсиром, короче с дерьмом каким-то, выливают это в кружки и пошла у них гульба. Пара таких кружечек и в говно. Короче вы как хотите, а я все же возьму просто пивка.

Подвел черту под своей речью Гриша.

– Я тоже – поддержал его искусствовед.

– Ну и я за компанию, что ж теперь – нехотя согласился врач – все равно спирта нет.

Мужчины взяли каждый по кружке пива и вновь уселись за столик.

Они, словно старые школьные друзья, которые не очень-то и дружили в школе, молча пили пенный напиток, по цвету и вкусу больше напоминавший некое непотребство, нежели пиво и смотрели по сторонам, каждый в свою, казалось совершенно забыв о причине приведшей их сюда.

Гриша достал сигарету и закурил.

– Угостишь? – обратился к нему Арнольд.

– Бери конечно – менеджер положил пачку на стол.

– Это мода такая пар-мент курить? – с легкой улыбкой спросил Вазян. Как только Арнольд видел сигареты этой марки, так из недр его памяти всплывал анекдот про длинную очередь в гей клуб.

Пятый в очереди

– Покурю-ка я свою любимую сигарету пар – мент.

Достает и закуривает.

Двадцатый в очереди

– Покурю-ка я свою любимую сигарету пар – мент.

Достает и закуривает.

Подходит к очереди гей

– Это все в клуб?

Ему отвечают

– Да

Гей

– Эх, сколько ждать, покурю-ка я пока свою любимую сигарету...

Камера отъезжает, звучит слоган – «Даже последний пидор курит сигареты пар – мент!»

– При чем здесь мода просто хорошие сигареты – словно оправдываясь, произнес Гриша.

– Да – многозначительно усмехнулся Вазян – покурю-ка и я свою любимую сигарету пар-мент.

– «Курение приводит к импотенции» – прочел Самсон, черным жирным шрифтом, надпись на белом фоне в черной рамке, достал из кармана свою пачку честера, покрутил в руках – «курение вызывает преждевременное старение кожи», вот это более подходящий вариант – улыбнулся Штиц и положил сигареты на стол.

Вазян слегка помялся раздумывая, какую сигарету предпочтительнее взять, а потом подумал – «какого черта».

– Уроды, полные – произнес он недовольно, прикуривая пар-мент – делают из людей зомби. Так, скорее не от никотина, а от зомбирования импотентом станешь. Почему бы им, например, на пачке пельменей не писать – «мясо – причина возникновения червей в мозгу». На столовом вине, крупно, также жирно, черным – «алкоголь приводит к разжижению мозга» и прочую хрень на всех товарах: монитор – к полной слепоте, плеер к глухоте. На гамбургерах в Макдональдсе, где надпись – «неизбежно приводит к ожирению»? Бред полный, что у нас творится.

– Уверяю вас, это происходит во всем мире, там за границей еще хуже, они на пачках размещают красочные, цветные фотографии рака легких, гангрены на ногах, изображение язв, являющихся следствием курения, желтые крошащиеся зубы, мертворожденные младенцы. Но я скажу вам, ни к чему это все не приводит. Что касается врачей мужчин, из них процентов 70 курильщики с внушительным стажем.

– Это говно собачье – не на шутку вспыхнул Вазян и жарко, увлеченно стал декламировать свои мысли о священной мировой войне с самым страшным на планете врагом – курением, при этом заняв сторону врага человечества. – Эти надписи и фотографии, они для курильщика, как тряпка для быка, лишь усиливают желание покурить...

Гриша загадочно посмотрел на него.

Врач хотел что-то сказать, но передумал, отхлебнул пивка и уставился на церковь.

«Зачем я здесь?» – подумал он про себя.

– Знаете – бодрым голосом сказал Гриша – это все ерунда, главное в жизни это карьера.

– А вы кем работаете? – обратился Вазян к Грише.

– Я менеджер – без ложной скромности произнес Гвоздев, слегка выпятив грудь вперед.

– Да – оживился Вазян – менеджер – это хорошо, это почетно – иронично произнес он.

Вазян терпеть не мог менеджеров, его коробило от одного лишь этого слова – «менеджер». Он свято верил в то, что мир за всю его человеческую и бесчеловечную историю не придумал гаже ругательства. Менеджеры для Вазяна, были гаже худшего на земле отребья, некие слуги дьявола.

Он не мог объяснить почему это так, но это было так, без всяких объяснений. Третий глаз, шестое чувство. Нечто похожее Вазян испытывал к риелторам и людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

– В этом парке голубые любят собираться – мерзко, словно разжевывая коровью лепешку, произнес Вазян, отводя свой взгляд от Григория.

– А вы вот, как хотите – расправил свои плечи Гриша – мне все ж таки кажется, что это своего рода болезнь, помешательство. И ведь никто не пробует их лечить, сначала в тюрьму сажали, а теперь, пожалуйста, по телику кажут.

– Тут, дорогой вы мой, менеджер – сделав глоток пива, начал доктор – не то чтобы они были больны, хотя, конечно же, ваша правда, это люди с психическими отклонениями, с глубинными личностными комплексами, сформированными на стадии даже не взросления, а раньше: детства, отрочества, юности. Так вот о чем я собственно, общество наше насквозь больное. У этого общества, словно у зараженного СПИДом, нет иммунитета и всякая зараза, как репей липнет к нему, проникает в самое нутро и там пускает корни.

– Общество, общество – вновь возмутился Вазян – что такое общество? Это каждый из нас отдельно взятый. Я, ты, он, она, вместе дружная семья, вместе дружная страна. И что, каждый из нас болен, всех нас нужно лечить? Или как-то нужно лечить общество, а мы вылезем сами по себе, когда общество будет здоровым? Что за бред? И что, вообще, вы называете здоровым обществом? Какое, по-вашему, общество на земле здоровое? Пусть не сейчас, можно взять любой исторический отрезок. Гомосексуализм, как болезнь, стоит у истоков любой общественной формации, будь это Греция, Рим, восток. Средневековье – инквизиция, молот ведьм, Крестовые походы, здоровьем и не пахнет, возрождение – полный разврат, капитализм – войны, каторжный труд, труд детей, проституция и все прочее. Социализм – реки крови, лагеря. И вот приплыли, заболели, потеряли иммунитет, чего вдруг?

– Почему вдруг не вдруг. Вы кто по профессии? – Самсон спросил не из любопытства, а, для того чтобы слегка обескуражить противника, нарушить его равновесие.

– Искусствовед – не без ложной доли скромности произнес Вазян.

– Вот и чудно, скажите-ка мне, Рублевская Троица, фрески Дионисия, храмы и церкви по всей Руси, что это? Не утруждайте себя, я вам отвечу что это, это хорда, духовная составляющая нашего русского народа, столп, основа основ.

– Вы же врач – уставился на Самсона Гриша – какой столб? Вы же материалист.

– Да, да – поддакнул Вазян, – наука отрицает понятие души. Наука говорит, что души нет, есть мускулы, печенька, селезенка, мозг, а души нет.

– Вы безнадежно устарели. Наука, медицина в том числе, никогда не отрицала духовности, однако, смотрела на нее слегка с иной стороны, нежели религия, но на то она и наука. Фрейд между прочим был психиатром. А его ученик Юнг открыл коллективное бессознательное. А что есть коллективное бессознательное если не душа народа?

– О, все понеслась – отхлебнул пивка искусствовед – давайте только о душе народной не будем. А то мы так черте до чего можем договориться.

– Чего-то поджимает меня потихоньку – огляделся по сторонам Гриша, в поисках туалета – отлить бы надо, самое время.

– А вон кабинки синие – кивнул в сторону биотуалетов Вазян.

– Лучше через дорогу перейди, там, вон кафешка есть, в ней нормальный туалет и бесплатный к тому же – посоветовал Самсон – в этих кабинках зараза одна. Запросто можешь гонорею словить, или сифилис.

– Подагру еще – усмехнулся Вазян.

– Подагру, это вряд ли – серьезно возразил ему доктор – а всякие гонококки и прочую дрянь на раз два.

– Все, перестаньте меня стращать – Гриша встал и направился в туалет.

Вазян и Самсон проводили его взглядами.

Возле трех синих кабинок в порядке очередности стоял разношерстный народ, объединенный одной заветной целью, справить малую нужду. Последними в очереди стояли три, раскованного вида, девушки. Они были вызывающе одеты и вели себя подобным образом: курили, плевались и пили пиво прямо из бутылок. Чуть впереди них, в очереди в другую кабинку сто-

яли четыре молодых, слегка подвыпивших парня, всё в них от одежды, до жестов, манеры разговаривать, говорило о том, что они принадлежат к самому многочисленному сословию города Москвы – менеджерам среднего звена. Все четверо приехали в Москву из разных уголков великой и могучей страны, с одним-единственным желанием – хорошо жить. В это обширное по своему звучанию и размаху понятие умещается совсем немного, а практически одно желание – иметь много денег. Когда есть деньги, ты король мира, думали они, просиживая штаны в маленьких конторках своих городков. Уже в Москве, в полной мере осознав, что помимо денег, приносит моральное удовлетворение еще и власть над подчиненными, сам статус менеджера среднего звена, принадлежность к когорте, касте избранных и мечта дослужиться до топ-менеджера.

Прямо перед входом в кабинку стояли несколько молодых людей непонятного пола, одетых во все черное. По всей видимости, это были готы, а может эммо, они стояли тихо, никого не трогая, молча ожидая освобождения кабинки. Влюбленные в смерть тоже хотят писать. За четырьмя менеджерами стояла мама с ребенком лет 10 ти. Ребенок припрыгивал с ноги на ногу, то и дело, дергая маму за рукав со словами – «ну когда уже?». Мама всякий раз грубо отдергивала руку и принималась ворчать – «перестань, не можешь потерпеть пять минут».

Гриша прошел мимо очереди, бросив беглый взгляд на трех девиц. Дойдя до проезжей части, он подождал, когда проедут машины, перебежал на другую сторону и скрылся за дверью в кафе.

Доктор и искусствовед молчали, думая каждый о своем.

Вазян вспоминал, как познакомился с художницей, на несколько лет старше его, как они гуляли по вечерней Москве, по набережной, смотрели и восхищались буйством красок, лежащих на зеленом, пахнущем бензином и соляркой, холсте Москва – реки, отражением рекламных огней большого города. Он читал ей стихи, она рассказывала ему о художниках, живописных приемах, о талантливых детях, которых она учит рисовать. Никаких иллюзий на ее счет Арнольд не испытывал, ему просто нравилось находиться в обществе этой грациозной, изящной, импозантной женщины. Ни одна из особей противоположного пола, которых встречал он раньше, не походила на нее. Она была какая-то неземная, словно принцесса, из давно забытой сказки.

Искусствовед сделал еще один глоток пива, закурил и подумал, что должно быть нет любви в этом мире, а все беды, конечно же, из-за баб. Ромео и Джульетта – глупая выдумка гения, только и всего. Толстой был бытописцем, поэтому и не любил ни комичных, ни трагичных выдумок великого английского мастера.

Вазян был женат в третий раз. Он не то чтобы испытывал страстные чувства любви, ко всем этим женщинам, скорее отношения с ними были удобны, для Арнольда. Он, как любой человек, влюблялся, женился и дальше все шло по накатанной: привычка, уважение, совместный быт, вынос мусора, супружеский долг и все прочее, что подстерегает людей на пути брака. Первая жена ушла от него к его знакомому, Косте Складному, начальнику промышленной базы. Вазян долго переживал, много плакал и чуть было в сердцах не проклял обоих. Он запил. Пил долго и упорно, при этом все чаще стал посещать церковь, молился, ставил свечи и целовал иконы, что до этого никогда не делал. Все его просьбы, обращенные к Богу, сводились к одному, он просил большой и чистой любви, чтобы его избранница была преданна ему и никогда не изменяла. Бог или интернет, точно сказать сложно, посылал ему за три года холостяцкой жизни, каждый месяц новое молодое или уже не очень, округлое женское тело, со своими амбициями, закидонами, тараканами и прочими заморочками. Вазян не был особо разборчив в плане сексуальном, поэтому телами своих знакомых барышень пользовался в полной мере. Но так, чтобы нашлись иные точки соприкосновения, кроме постели, увы. Ни одна из женщин по тем или иным причинам не подходила Вазяну. Иная была слишком скромная, тихая и молчаливая, другая толстая, третья худая, четвертая зануда, пятая заразила его чесот-

кой. Вазян месяца два не мог излечиться от этого недуга. Он натирал и мазал тело различными микстурами, настойками и мазями, кипятил в баке белье и удрученно мастурбировал, проклиная всех баб на свете. Он устал чесаться, все его тело было покрыто начесами и волдырями.

На исходе третьего года поисков любви, он встретил свою вторую жену. Это было милое, юное создание с большим количеством различных комплексов, спровоцированных одиночеством и множеством иных личностных факторов. Ей, как и многим молодым женщинам детородного возраста, хотелось семью и детей. Вполне объяснимое явление – материнский зов, природная потребность и результат – истерия, блуждание матки по организму, как говорили древние греки. А что же Вазян? Во-первых, он был мужчина, а во-вторых, у него имелась дочь, от первого брака, с которой ему доводилось видеться очень редко. В-третьих, искусствовед смотрел на свою будущую жену, как на очередную партнершу для секса и, в-четвертых, продолжал пить, страдать, ходить на работу и в церковь, в общем жить, так, как жил до этого, в свое удовольствие.

Марина, действуя скорее по наитию, нежели обдуманно, попыталась любыми путями проникнуть в его нутро и перепаять там тайные проводки его души, и получить не просто удобоваримый продукт, а идеальный предмет личного пользования. Увы, ей это не удалось. Однако в ранимую душу искусствоведа она проникла и даже проводки перепаляла, но, как-то неправильно их соединила.

Вазян изменился, перестал страдать из-за утраты первой жены, закончил поиски партнеров для секса и меньше стал пить. Однако меньше – понятие относительное. Вазян стал пить меньше, по сравнению с тем, как пил раньше, однако пить совсем не перестал. Марину такое положение дел не очень устраивало, она нашла Арнольду замену, статного, высокого, упитанного менеджера среднего звена. Конечно же – это самый надежный тип мужчин, однако, Марину смущало, то, что Владислав был женат и имел ребенка. Несмотря на это, чувство влюбленности было взаимным. Владислав проявлял к Марине недюжинный интерес. Он дарил ей подарки, говорил ласковые слова, но главное – не курил, не пил и в отличие от Вазяна, зарабатывал деньги. Марина видела во Владике решительного, целеустремленного, прекрасного принца. Прекрасный принц ушел от жены и дожидался, когда же Марина бросит своего алкоголика неудачника, и переедет к нему. Но Марина все тянула. Она в отличие от своего принца была нерешительна и все взвешивала и сомневалась. В один прекрасный день Марина раскрыла все карты перед Вазяном и предоставила ситуации развиваться своим чередом.

Зарубцевавшиеся душевные раны Арнольда потрескались и принялись кровоточить. Поначалу Вазян с остервенением стал пить, затем слегка приостановился и на трезвую голову принял решение измениться, найти себя, встать на ноги. Он долго анализировал произошедшее, ища оправдание себе, копаясь в своем внутреннем мире, словно патологоанатом в трупе, с целью найти первопричину, источник всех бед. Найдя множество причин для самоуничтожения, Вазян сломался окончательно, возвестив всем и вся, что Марина нашла ему замену. Однако сам делал все, чтобы удержать ее. И Марина осталась. Ее принц, как это часто бывает с людьми среднего возраста, погулял и вернулся в семью. Год спустя Марина ушла от Вазяна.

Третья жена Арнольда нашла его сама. Через месяц после знакомства искусствовед пригласил ее перебраться к нему. Еще через месяц, стоя на колене попросил руки и сердца. Вазяна все устраивало и взрослая дочь его спутницы, и ненужность штампа в паспорте, и то, что новая супруга не запрещала ему употреблять алкоголь, а порой и сама вместе с ним прикладывалась к бутылке. Но, несмотря на все это, чаще всего в душе Вазяна всплывали нежно лелеемые им воспоминания о той стройной, как лань, женственной и загадочной художнице. Он уже не помнил ее лица, разговоров, которые они вели при встречах, но сам образ ее, вызывал в сердце приятное, светлое чувство.

– Чего-то долго он – сказал загрустивший Штиц.

– Что? – легкая задумчивость Вазяна растаяла, словно дым. Он, оглядевшись по сторонам, посмотрел на врача.

– Очередь наверное, чего-то задерживается наш менеджер. Я тоже не против сходить.

– А – пришел в себя Вазян – так сходи, я-то здесь.

– Хорошо – согласился Самсон – а вот идет.

Из кафе вышел Гриша, лицо его светилось счастьем. Самсон поднялся и отправился в туалет.

– Как оно? – спросил Вазян у, присаживающегося за столик, Гриши.

– Фу – выдохнул тот – отлично.

Врач сходил в туалет, помыл руки и вышел на улицу. Стоя на тротуаре, дожидаясь, когда проедут машины, он размышлял, а стоит ли возвращаться. «Чего я там забыл? Два дебила ведут пространные беседы и ни слова о работе, что мне с ними делать?» И тут он громко икнул, быстро перебежал дорогу и остановился.

– Чего встал – сказал он негромко сам себе – Рубикон перешел, обратной дороги нет.

Штиц вернулся к столику, на котором стояли три полные кружки пива, за столом сидели Гриша менеджер и Арнольд искусствовед.

– Ну, что – откашлявшись, начал он – довольно уж разговоры разговаривать, не пора ли, как говорится, перейти к делу? А то собственно...

– Да, да – закачал головой Гриша – дело превыше всего! – и хлопнул ладошкой по столу и вновь замолчал, раздумывая с чего бы стоило начать. Врач и искусствовед сосредоточенно ожидали презентации. Ничего дельного Гриша не придумал и, что называется, стал импровизировать.

– Вот в чем дело – начал он и осекся, немного подумав, продолжил – вот в чем дело. Наша фирма, как бы это сказать, короче мы предоставляем отдых для богатых, состоятельных иностранцев, но и для наших тоже, если захотят.

– Чего это за отдых, кабанов, что ли, стрелять? – перебил его Вазян.

– Кабанов? – задумался Гриша – нет, не кабанов. Короче иностранцам хочется русской экзотики, самой настоящей, без приукрашений, как бы полностью погрузиться в русский быт. Ну вот, мы должны им это дело организовать.

– Погружение с головой в бочку с дерьмом, забавно – иронично хихикнул Самсон – кстати, как вас зовут?

– Гриша.

– Так вот, уважаемый Гриша, я врач, а не массовик затейник и уж точно не ассенизатор.

– Вы не волнуйтесь – Григорий сделал паузу и вопросительно посмотрел на врача – вам Самсон...

– Можно без отчества.

– Хорошо, ну так вот, вам Самсон незачем волноваться, никаких шарад придумывать не придется, стихов и песен разучивать тоже. У нас есть – Гриша вновь сделал паузу и неоднозначно посмотрел на Вазяна.

– Я? – ткнул себя пальцем в грудь Арнольд.

– Да – Гриша кивнул головой – вас кажется Арнольд Вазян зовут?

– Да, так зовут, но извините меня, я занимаюсь искусством, а не массово развлекательными номерами, тамада из меня никчемный. Хотя я, конечно, писал сценарии, но только для компьютерных игр и то это было очень давно.

– Да, да, я знаю – закивал головой Гриша и, не обращая внимания на слова Вазяна, продолжил – так вот, мы работаем над программой отдыха для иностранцев, стопроцентное погружение в русскую действительность. Мы продумали и досконально прописали некоторые аспекты этого отдыха, однако, как говорится, и на старуху бывает проруха, и вот, чтобы не случилось прорухи с летальным исходом, для этого вы и нужны нам, Самсон. Собственно в этом

будет состоять ваша миссия. Главное, начать, ввязаться в бой, а там клиент сам к нам повалит. Ну и что вы думаете по этому поводу?

Из этой сумбурной, сбивчивой презентации Самсон ровным счетом ничего не понял, ему показалось, что кто-то специально подослал этих двух олухов, чтобы разыграть его. Только не мог понять, кто и с какой целью. Он не так знаменит, чтобы попасть в программу «РОЗЫГ-РЫШ».

– На мой взгляд, бред собачий – сказал Самсон и отхлебнул пивка.

– И я не в восторге от ваших игр – поддакнул ему Вазян.

– У вас плохая уретра аура – смотря Грише в глаза, схохмил Самсон, пытаюсь как-то вынудить противника обнаружить себя.

– Чего? – не понял менеджер.

– Судя по зрачкам у вас отрицательная мочевая энергетика. Должно быть, вы предпочитаете редиску халве, а это, в свою очередь, несет на себе патологические коллизии.

– Чего? – пришел в недоумение Гриша – какая редиска, какая халва? Я не понимаю вас, никаких редисок и холв я не ем и не собираюсь.

Легкая задумчивость, словно туман на реку, легла на глаза Самсона, но вмиг растаяла, как сигаретный дым.

– Значит, это морковь. Ну конечно, морковь и молоко. Другого и быть не может – продолжил каламбуриуть Штиц.

Гриша с силой утер ладонью лицо, начиная со лба вниз к подбородку, посмотрел на Вазяна, затем перевел свой взгляд на Самсона.

– Ты, пьяный, что ли, чего за пурга, какая моча, морковь, молоко? Я о деле говорю, а не о моче, ты врубаешься?

Гриша манерно достал из внутреннего кармана блокнот и ручку, вырвал листок бумаги и написал на нем цифры.

– Ваш гонорар, если все пройдет гладко. Это не рубли, ты доктор сможешь себе вагон халвы купить, в придачу с молоком – произнес он строя из себя крутого мачо.

Затем Гриша разорвал бумажку, положил в пепельницу и поджег.

– Но это строго секретно, только между нами – он театрально приподнял правую бровь.

– Само собой – отреагировал Вазян.

Менеджер вновь залез во внутренний карман и достал два листа.

– Читайте – небрежно бросил их на стол.

– Что это? – спросил Самсон, беря лист бумаги в руки.

– Как что, контракт.

– Какой еще контракт? – смотря, как школьник в книгу, поинтересовался Вазян.

– Обычный – досадливо произнес Гриша – обычный контракт, шесть пунктов, читайте и подписывайте.

– Но это же полная глупость – усмехнулся Самсон – какая-то бумажка, и что из того подпишу я ее или нет, никакой юридической силы она не имеет.

– Конечно же, не имеет – согласился Гриша – но это бизнес, а в бизнесе так положено, читайте и подписывайте. Во-первых – криминала нет, перед законом мы чисты, грабить, убивать, насиловать не нужно. Во-вторых – клиент уже есть, и клиент очень состоятельный. И в-третьих – все очень просто вот контракт, вы подписываете, завтра встречаемся в офисе и начинаем работать.

– Послушайте, товарищ – иронично произнес Самсон – пиво – это хорошо, но контракт, пусть он даже такой как у вас, дело серьезное и тем более то, что вы тут несете. Сумма приличная, спору нет, но так дела не делаются.

– Точно – поддакнул Вазян.

– Дела решаются на трезвую голову, ни в кабаке и ни в бане, это сугубо мое мнение, не знаю как у других и не хочу знать. Я предлагаю, сегодня все обстоятельно обдумать наедине, а завтра встретиться, без всякого пива и обсудить детально. А контракт, если вы не против, я возьму с собой, внимательно изучу его и, в случае отсутствия претензий, подпишу. Если возникнут вопросы, будем обсуждать. Вы меня простите если что не так. Я человек не авантюрный и на пустые цифры, как рыбу на голый крючок, меня не купишь.

За все время, пока Самсон говорил, Гриша обдумывал, что же он ответит этому дотошному докторишке, чем заманит в свои сети, какими козырями пробьет его неуверенную оборону. Ничего не придумав, откинувшись на спинку кресла, он произнес:

– Хорошо, давайте завтра в 14—00 вот по этому адресу – Григорий достал из кармана две визитки и протянул их приятелям. – Если что звоните.

Он сделал глоток пива, поднялся и направился в сторону метро. Самсон и Вазян проводили его взглядами.

– Что вы думаете? – спросил Вазян.

– Вы прямо как моя жена – ответил Самсон, все еще считая происходящее глупым розыгрышем – она постоянно меня спрашивает, о чем ты сейчас думаешь, милый.

– Я вовсе не нахожу вас милым – обиделся Вазян на такое сравнение – а в остальном, не хотите не говорите. Я не ваша жена и вытаскивать из вас клещами, что вы там себе думаете, не собираюсь.

– Простите – состроил отвратительную гримасу Самсон – мне кажется я слегка пьян, пожалуй, будет лучше если мы оба пойдем домой.

Врач поднялся с желтого пластмассового стула и направился неровной походкой в метро, слегка шатаясь и прихрамывая на правую ногу.

Вазян, со своими думами и неприятным чувством на душе, остался допивать пиво.

Глава 2

Вазян сидел и размышлял обо всей этой тупой и непонятной ситуации. Его не попросили в очередной раз заполнить анкету, он не сидел в большой очереди ожидая, когда к нему подойдет менеджер и начнет задавать вопросы, почему покинули место прежней работы.

Более того, он пил пиво с представителем фирмы, которая ищет подходящие кандидатуры. Может быть, нужно было отказаться? – размышлял Вазян – и тогда этот Гриша стал бы по другому вести с ними беседу. А то, что случилось, явно не укладывалось ни в одну стандартную схему. Хотя все-таки работа им была предложена, но и сама эта работа была такой же, как это нелепое собеседование. Непонятные иностранцы, развлечения и ничего конкретного. Пока Вазян усиленно размышлял о произошедшем, к нему за столик подсел подвыпивший мужичок. Он, прищурившись, наглым, недобрый взглядом посмотрел на искусствоведа.

– Я с 13 лет спину гну – выпалил он зло, сжав левую руку в кулак, и слегка потряс им.

Затем замолчал и принялся скрипеть зубами. Жвалы на его угрюмом лице заходили ходунком. Скрип зубов и грозный вид пьяного мужичонки произвел на Вазяна пугающее впечатление. Арнольд занервничал, но виду не подал. Пульс его участился, мысли в голове заскакали, как голодные блохи.

– Всю Россию продали, всю разворовали – устав скрипеть зубами, вновь подал голос мужик – где теперь рабочие руки, нет их нигде. Куда ни плюнь всюду одни барыги, менеджеры, певцы, художники, поэты сраные, да артисты, мать их, а рабочих нет. Стыдно быть рабочим, не престижно. А я сызмальства вот этими руками – мужик показал Вазяну свои крепкие натруженные руки – копейку добываю, каждый рубль трудовой с потом и кровью. И что же мне за это, почет и уважение? Нет. Мне за это шиш с маслом – мужик поднес к лицу Арнольда кукиш, дабы наглядно подтвердить истинность своих слов.

– И как мне после этого не пить?

– Да – задумчиво сказал Вазян – все как у Некрасова, «он до смерти работает, до полу-смерти пьет...».

– Чего? – встрепенулся мужик. В интонации его речи, явно прослеживалось агрессивность и неприятие собеседника.

– Так просто подумалось – попытался оправдаться Вазян.

– Ты в армии служил? – мужик буравил Арнольда своим тяжелым, пьяным взглядом.

– Нет – покачал головой Вазян.

– Больной? – не отставал от него мужик.

– Нет, в институте учился.

– Ученый, значит. И что за наука? – наседали пьяный.

– История культуры – произнес Вазян, особо выделяя слово история, так чтобы было понятнее мужику.

– История – одобрительно кивнул мужичок – это хорошо. Скажи мне историк, почему трудовой человек в дерьме таком живет, где справедливость?

– Не знаю – сквозь зубы произнес Вазян, и чтобы как-то скрыть свое волнение глотнул пива.

– Должен знать, коли историк, а вот не знаешь. Хреновый, стало быть, ты историк, коли не знаешь, говно, стало быть, ты, а не историк. А я вот знаю – не унимался мужик – все знаю.

Почти кричал он, отчитывая Вазяна. Люди, сидящие за столиками, стали обращать на них внимание.

– Нет в этом мире справедливости, нет. Да и Бога тоже нет никакого. Не укради сказал Христос, а ведь воруют, все разворовали и живут себе припеваючи. А что же Бог, ничего. Они сначала наворуют у народа, а затем поставят церковь, якобы грехи замолить, опять же для

народа благо. А денег-то затратят на это благое дело, считай меньше чем на своего пуделя. А что же Бог, ничего. Я двадцать пять лет на одном месте, а что взамен? Хрен взамен, денег вот, на водку только и хватает. Я же не раб, а рабочий, а на деле раб, самый что ни на есть раб. Кто виноват? Сам и виноват. Свобода, свобода, а на кой она сдалась ваша свобода, что мне от нее жить легче стало? Сто пятьдесят сортов водки появилось и триста пятьдесят два колбасы и куда они мне, за каким таким, я спрашиваю тебя, если я даже один сорт и тот с трудом могу себе позволить купить. Нет, от голода слава богу не помираю, семью кормлю и одеваю, но понять не могу почему же так нас лихорадит, все тяготы на наши плечи. Сволочь эта жирует, а мы пашем с утра до вечера, на кого пашем, на них упырей, чтобы они могли на островах банановых со своими блядьми отдыхать? Чтобы сынок их в Кембридже учился, а они десять вилл имели по всему свету, и вот ради всего этого я должен жилы рвать, горб свой гнуть?

Мужик со всего размаха ударил кулаком по столу. Пластиковый стакан Вазяна подпрыгнул и упал набок, пиво из него вылилось.

Вазян приподнялся из-за стола, для того чтобы уйти. Пиво было разлито, пьяный бред рабочего ему порядком поднадоел, да и, собственно говоря, пора уже было идти.

– Куда – рявкнул мужик, вошедший в раж – сядь, я еще не закончил.

– Заканчивайте без меня – превозмогая страх, произнес Вазян.

– Ты чего сявка, вякать вздумал, сядь я сказал, историк недоделанный.

Пьяные глаза мужика налились кровью, толстая жила, разделяющая лоб пополам, вздулась и было заметно, как она пульсирует.

– Всего доброго – монотонно произнес Вазян и направился к выходу, под прицелом любопытных глаз посетителей кафе.

– Пидор гребанный.

Услышал он, брошенную ему в спину, словно финский точеный нож, фразу. Народ притих, все устремили свои любопытные взгляды на Арнольда, будто вопрошая его – «ну что трусливый заяц, ответишь ему или бросишься наутек?»

Вазян пошмыгал носом, поморгал глазами, развернулся, сделал пару шагов в сторону неприятеля и со всего размаха заехал мужику в ухо. Удар был такой силы, что пьяный рабочий грохнулся на пол. Вазян победным взглядом терминатора осмотрел публику, театрально закурил и развернулся в направлении выхода.

– Ваши документы.

Перед искусствоведом стоял милицейский наряд. Сержант – мужчина лет сорока и двое молодых парней, еще не имеющих никакого звания.

– Поднимите его – скомандовал сержант.

Помощники подняли матерящегося мужичонку на ноги.

– Итак, ваши документы – грозно произнес сержант, злорадно пялясь на Вазяна.

Арнольд пошарил в карманах и достал студенческий билет. Сержант недоверчиво взял корочку, как-то брезгливо открыл ее и начал читать вслух, добавляя свои комментарии.

– Арнольд Вазян, да, странно, что не Шварцнегер. Более существенного ничего нет?

Вазян был на грани обморока, за годы учебы в университете у него выработалась стойкая неприязнь к работникам правоохранительных органов. Лишь только ему случалось увидеть милиционера, как его спина в тот же миг покрывалась легкой испариной, сердце начинало интенсивно стучать, в горле пересыхало, а в коленках образовывалась дрожь.

– Я не понимаю – пролепетал, словно нашкодивший ребенок, Вазян.

– Чего именно вы не понимаете? Мне нужен документ, удостоверяющий вашу личность: паспорт, права, документ, на котором стоит печать МВД.

Вазян сглотнул подкативший к горлу ком.

– Пройдемте – сухо произнес сержант – этого тоже в машину – скомандовал он ребятам.

«Красивый город» – думал Арнольд, сидя в милицейском бобике. Из окна патрульной машины его взору предстала ночная Москва. Горящие разными огнями витрины магазинов, рекламные плакаты, залитые неоновым светом, спешащие по домам прохожие, гуляющие иностранцы, целующиеся влюбленные пары, машины, светофоры, фонари и чудесная архитектура старой Москвы, все это проплывало мимо Вазяна, как в каком-то фантастическом сне. «Должно быть, непросто приходится архитекторам – подумал Арнольд – нужно придумать, затем начертить, все комнаты, каждую завихрюшку, воссоздать на бумаге, а после воплотить в жизнь, так чтобы стояло веками. И вот через сто лет, а может и двести, я еду в этой машине и люблюсь этим домом. Все-таки велика сила искусства». Вазян улыбнулся, но тут же черная мысль, обрушившаяся на него словно проливной дождь, заставила его занервничать.

«А что если меня везут на Лубянку и дело касается вовсе не этого пьяницы?» – подумал Вазян.

На его лбу проступил холодный пот, руки стали нервно трястись.

«Иностранцы, контракт, КГБ, шпионаж, мать твою, вляпался».

Вазян зажмурился, закрыл ладонью лицо, чтобы хоть как-то спрятать внезапно нахлынувшее волнение.

– Гнида буржуйская – скрежетал зубами мужичок – давить таких надо. На рабочий люд руку поднял, загрызу суку.

– Заткнись там – рявкнул сержант.

Мужик сжал челюсти и громко заскрипел зубами, сверля Вазяна ненавистным взглядом.

В отделении милиции Арнольда завели в кабинет, а униженный пролетарий остался сидеть в коридоре.

Вместе с Вазяном в комнату вошел сержант и один из молодых милиционеров, вихрастый белобрысый здоровяк с глазами спаниеля.

– Садись – сказал сержант.

Вазян присел.

– Петя – обратился сержант к коллеге – чего там у нас по наркоманам?

– Вроде в этом месяце план сделали, даже сверх нормы. На прошлой неделе притон накрыли, генерал лично поздравил.

Сержант пристально посмотрел на Вазяна.

– По кражам?

– Дак э-э, много всяков – пробубнил Петя – но этого-то вроде в кафе взяли, хулиганка.

– Хулиганка – задумчиво произнес сержант – портите вы нам показатели молодой человек. Что у вас там стряслось? – обратился он к Вазяну.

– Я просто сидел, этот подсел ко мне, начал нести непонятно чего, кричать я рабочий, рабочий, затем пролил мое пиво и стал меня обзывать.

– Как обзывать? – перебил его сержант.

– Он – замялся Вазян – ну, гомосексуалистом меня назвал, только в грубой форме.

– Пидором, что ли?

Вазян нелепо кашлянул.

– В общем, я ему и врезал – выдохнул Арнольд, произнеся последнее слово практически шепотом.

– Не понял – переспросил сержант – что сделал?

– Ударил – негромко произнес Вазян, чуя за собой неизгладимую вину, и опустил глаза. Напряжение было таким чудовищным, что Арнольд был готов вот-вот расплакаться, словно кисейная барышня.

– Я не хотел – добавил искусствовед, шмыгая носом – он сам вынудил меня.

– А я вот тебе сейчас нехотя засуну в задницу эту резиновую палку, а затем достану и заставлю облизать.

Сержант достал из кармана платок и звучно высморкался. Арнольд опустил голову, ему было страшно и стыдно. Он стыдился своих слез, которые уже не мог сдерживать. Они, словно морозящий дождь, предательски текли по его щекам, и падая, впитывались в одежду.

– И что мы молчим, Арнольд Шварцвазян?

Арнольд вытер ладонью мокрое от слез лицо.

– Я не знаю что сказать.

Сержант, открутил колпачок с шариковой ручки, достал стержень и принялся ковырять им в ухе.

– Где и кем вы работаете?

– Учусь в аспирантуре. Я искусствовед – пробормотал Вазян в нос.

– Искусствовед – загоготал сержант – сделай мне минет.

Вазян молчал, слезы куда-то пропали сами собой, лишь соленые разводы от них слегка пощипывали раскрасневшиеся щеки. Арнольду был ненавистен этот кабинет, мерзкий сержант с бульдожьей рожей, и даже молодой вихрастый милиционер, который по большому счету ничего плохого Вазяну не сделал. И, напротив, тот пьяненький мужичонка, которому Вазян заехал в ухо вдруг предстал перед ним в ином свете. Арнольду стало жалко этого уставшего, раздавленного жизнью и вечными проблемами рабочего человека. «Ведь по большому счету он не виноват – думал Вазян – он выбрал себе профессию по душе и отдается ей без остатка, пашет, как папа Карло, а получает гроши. Что же ему человеку труда делать, куда податься, нужно кормить семью, поставить на ноги детей, да просто получать за свой труд, и жить не думая о том, откуда завтра брать деньги сыну на завтраки. Чтобы хоть раз в своей жизни он смог с семьей съездить в Турцию или Египет. Наболело у человека, вот он и высказал, а то, что я встретился на его пути, бывает. Прости меня мужик» – мысленно покаялся Вазян, смотря в пол.

Арнольд родился в обычном провинциальном городке. В его биографии не было чего-то необычного, все, как у большинства российских граждан, детсад, школа, отец алкоголик, мать на трех работах, друзья, первая сигарета в 13 лет, первая рюмка вина в 14, первый секс в 16. Отучившись 11 классов, Вазян решил поступать в институт, но провалился. И самое обидное в этом было то, что первые два устных экзамена он сдал на отлично. Непреодолимым барьером для него стало сочинение. Вазян, как и девяносто процентов абитуриентов, писал на свободную тему. Он марал бумагу размашисто, легко и вдохновенно, мысли, буквы, фразы вылетали из него, как патроны из автомата Калашникова. Когда его мама пришла в институт подавать апелляцию, преподаватель лишь развел руками и предоставил ей самой прочесть сочинение сына. На двадцать четвертой грамматической ошибке она сдалась.

– Извините – досадливо сказал экзаменатор – вашему сыну было достаточно написать на троечку, но, увы, этого не произошло. Мама Арнольда покачала головой, вздохнула и вышла из комнаты. Осенью Вазян устроился дворником. «Поколение дворников и сторожей» – напевал он, всякий раз махая метлой, утром и вечером. В свободное время читал книги, готовился к новому штурму непокоренной вершины. Но и на следующий год результат был тем же, хотя сочинение он написал на тройку, проходной балл был уже выше, чем в предыдущем году. Мама Вазяна, видя его склонности к гуманитарным наукам и тягу к всякого рода писанине, в это время он стал писать стихи и коротенькие рассказы, устроила его на работу корреспондентом, в небольшую сельскую газетенку. Большое село – районный центр, где располагалась редакция газеты, находилось километров в десяти от города и Вазяну приходилось каждый день ездить на автобусе туда и обратно. Это слегка утомляло будущего искусствоведа, несмотря на сложности, новая работа и сотрудники редакции ему пришлись по душе. Арнольду выдали фотоаппарат, с которым он шатался по селу, фотографируя то облезлых собак, то покосившиеся заборы, а то и просто лепешки, оставленные крупным рогатым скотом на дороге. Фотокорреспондента из него не получилось и ему, скрепя сердце, доверили напи-

сать небольшую заметку о вновь открывшемся кафе в здании кинотеатра. Вазян взял блокнот, ручку и отправился в кинотеатр. Приветливая хозяйка кафе, встретила его радушно, напоила чаем и весело, задорно и очень эмоционально осветила эту тему. Статейка получилась скорее рекламного характера, нежели зарисовки на тему общепита, однако, она привлекла внимание главного редактора. Он сухо похвалил молодого сотрудника и послал его на ферму, за репортажем о путях повышения молочной продукции и эффективности молочного скота. Вазян тяжело вздохнул и отправился на ферму. Дальнейшие его газетные опусы вращались вокруг сельскохозяйственной темы: удои, привес свиней на откорме (взрослых и молодняка), приплод КРС, расширение курятников до яйцефермы и производство яиц в промышленных масштабах, фермер на селе проблемы и решения. Проработав там до весны, летом Вазян вновь подал документы на поступление в институт. На этот раз это был факультет журналистики. Статьи про коров и сельские уголья, очерки о проблемах села, предоставленные им на творческий конкурс, были довольно низко оценены приемной комиссией. И, хотя все экзамены он сдал без троек, благодаря собственной матери, договорившейся с преподавателями, это не помогло, ему не хватило одного балла и все из-за коровок.

Несколько лет физического труда и душевного отчаяния, чуть не сделали из него алкоголика. Скудная, унылая жизнь провинциального городка все больше и больше тяготила молодого человека. Ему хотелось стать знаменитым, богатым, общаться с поэтами, писателями, музыкантами, художниками, вращаться в высших кругах элиты. Он запоем глотал книги, пил водку и плакал. От тоски и одиночества, за два дня перед своим очередным днем рождения Вазян вскрыл себе вены. Попытка суицида не удалась и Арнольд твердо решил изменить свою жизнь, перебравшись в Москву.

В столицу он поехал под предлогом поступать в вуз. Мать всплакнула украдкой, но что уж тут поделаешь если сын все решил. Она хоть и не верила в успешный конец предприятия, втайне надеясь, что ее любимый Арно поживет месяц-другой в Москве и вернется в родные пенаты, благословила его и отправила с Богом поступать.

Всем на удивление и себе в том числе, Вазян поступил с первого раза. Хотя отделение было заочное, но это даже вышло на руку Арнольду, ведь в Москве нужно было где-то жить, что-то есть, а родственников поблизости не было. Вазян устроился на работу все тем же дворником, затем грузчиком, а после продавцом книг. Окончив вуз, Арнольд поступил в аспирантуру, где к этому времени и учился.

«Я люблю этот город – думал Вазян, сидя на жестком стуле и смотря в пол – он не всех принимает в свой лагерь. Многие приезжают покорять его, но бесследно канут в Лету, растворяясь в асфальтовом болоте этого города, иные едут, чтобы заработать много денег, они возвращаются домой с пустыми карманами, другие собираются учиться, у каждого своя цель.

Но как бы там ни было, далеко не все приезжающие остаются здесь жить. А я остался, я живу в этом городе, люблю этот город. Нет, ни за скверы, улицы и фонтаны, а за то чувство свободы, которого нет ни в одном провинциальном городишке. Я чувствую себя свободно, иду по улице курю сигарету и понимаю, что никому во всем этом огромном мире нет дела до меня, а мне до них, вечно снующих, бегущих, спешащих, кричащих, гудящих, деловых людей. Каждый живет, как умеет. Одно плохо, жить так, как хочется не получается. И, вообще, можно ли у нас в стране жить, как ты хочешь? Вот возьмут эти милиционеры и забьют насмерть своими дубинами и насрать им на то, что я хочу. Или завтра объявят очередной дефолт, кризис, перестройку и кому какое дело, чего хотят люди. Живите так, как можете, а не можете – то и не живите. Уж всяко лучше, чем так, как этот урод, всю жизнь нить, пошел бы да повесился, все равно в Бога не верит».

– Ладно – рявкнул Сержант – откатай ему пальчики для картотеки и поступай как знаешь.

– А что с тем? – спросил Петя, кивнув головой на дверь.

– Того в клетку давай, завтра с утра разберемся. Чего у нас там по маньякам, проанализируй, потом доложишь.

Сержант поднял трубку телефона и набрал номер. Долго молчал, нервно ковыряя пальцем стол, затем дернулся, словно от разряда статического электричества и заговорил.

– Привет. Да. Да. Да. Все. Ну сказал же все. Да. Да. Скоро буду, купить чего? Хорошо. Да. Да. Хорошо. Хорошо куплю. Ладно. И это тоже куплю. Да. Не забуду. Все, все выезжаю – раздраженно крикнул он и со всей силы хлопнул трубкой о телефон.

– Так и хочется порой забрать ее в участок и так отхуярить, чтобы... Ладно, все, рули тут, до завтра.

Сержант ушел. Петя снял у Вазяна отпечатки пальцев и отпустил его. Домой Арнольд добрался уже поздно ночью, не раздеваясь, лег на диван, включил телевизор и тут же провалился в сон.

Глава 3

Самсон вернулся домой без приключений. По дороге в ларьке купил бутылку пива. Жена встретила его на пороге. Молча, взглянула на бутылку пива в руке Самсона и удалилась на кухню. Врач направился за ней. На кухонном столе его ожидал дымящийся борщ со сметаной, салат из помидоров и огурцов, заправленный майонезом и тонко порезанный хлеб. Штиц сел на свое привычное место, легким движением руки открыл бутылку и сделал глоток. Жена достала из кухонного шкафа пивную кружку и ничего не говоря, поставила ее на стол перед Самсоном. Он, словно не замечая ни жену, ни ее заботу, отхлебнул еще пару раз из бутылки.

– Говно какое, как они его пьют?

Штиц отодвинул бутылку и принялся есть суп.

– Ты влюбился, что ли? – сухо спросила жена.

– Очень вкусный суп – проигнорировал вопрос Самсон, разламывая кусок хлеба пополам – только соли маловато.

Вика подвинула ему солонку.

– Посоли.

Самсон оторвался от супа и посмотрел на свою жену.

– Нет, Вика, не влюбился. Тут такое дело, предложили иностранцев развлекать.

– Это как?

Вика присела напротив мужа, оперлась щекой о руку и как-то недобро взглянула на него.

– Они хотят русской экзотики, я как врач должен смотреть, что бы они, неровен час, ни зажмурились, от передоза матрешками.

– Чего сделали?

– Не сдохли чтобы. В общем, долго объяснять, да и не поймешь ты все равно.

– Чего это вдруг? – обиделась Вика.

– А того, что я и сам толком ничего не понимаю.

– Это на постоянку или так халтурка? – заинтересованно спросила Вика.

Самсон пожал плечами.

– Не знаю, пока халтура, а там видно будет. Что-то типа испытательного срока – съязвил Самсон.

– И сколько обещают? – не унималась Вика.

– Чего сколько? – Самсон еще хлебнул пива.

– Денег сколько?

– Вот дерьмо.

Он встал и вылил содержимое бутылки в раковину, пустую тару кинул в мусорное ведро. Достал из шкафа рюмку, вынул из холодильника блестящую металлическую фляжку со спиртом, налил, выпил и закусил борщом.

– Очень много – пробубнил Штиц, жуя хлеб – очень много.

– Ну что, миллион баксов, что ли? Очень много – передразнила его Вика.

– Нет, конечно, не миллион, но сумма приличная, даже очень. Нужно контракт подписать.

– И чего ты ломаешься, подписывай, все равно без работы сидишь, а так глядишь хоть деньги будут, очень много – вновь сыронизировала Вика.

Самсон пропустил мимо ушей ее колкости.

– Смущает меня все это.

– Что? Что тебя смущает? А то что мы уже пять лет ремонт не можем сделать и все еще на этой твоей трахоте ездим, которая, того и гляди, развалится, тебя, естественно, не смущает.

Вика была крайне раздражена, в ее глазах читалось сожаление в том, что она вышла замуж за этого неудачника.

Когда-то будучи еще совсем молодой и неопытной в вопросах замужества, Вика стояла перед выбором, к ней сватались сразу двое. Максимов Федор, ее одноклассник, статный красивый парень, его отец был дипломатом. Затем и сам Федор пошел по стопам отца, женился и уехал по дипломатической визе в Бельгию. Вторым кандидатом был Самсон, за него Вика и вышла замуж, оставшись в Москве. Уже через два года совместной жизни она пожалела, что отказала Федору, но было поздно. Каждый Новый год, тридцать первого декабря, во время звона курантов Вика писала на салфетке заветное желание, салфетку поджигала, пепел и недогоревшую бумагу бросала в бокал с шампанским и ровно в 12 часов ночи, чокалась с мужем и выпивала все содержимое до дна. Загадывать желание таким образом научила ее школьная подруга Зинка Цаплина, она уверяла, что этот ритуал действует безотказно. На протяжении нескольких лет, Вика ела горелую бумагу и всегда загадывала одно и то же желание, которое, увы, не сбывалось. А мечтала Вика о том, что бы ее не столь уж и любимый супруг стал нормально зарабатывать, что бы она могла позволить себе, и тут уж фантазии не было предела. Вика мечтала о шубе, Париже, об украшениях, машинах, платьях от кутюр, маникюрах, педикюрах, духах, косметике и прочих вещах, о которых мечтают все женщины неспособные себе этого позволить. А Самсон, в свою очередь, казалось, ни о чем не мечтает и не собирается даже палец о палец ударить, для того, чтобы мечты жены воплотились в жизнь.

– Ладно – Самсон отодвинул пустую тарелку – спасибо, вкусно. Пойду, почищу зубы и спать, чего-то устал я сегодня.

– Бедняжка – желчно произнесла жена – уж не вагоны ли с углем ты разгружал? Устал он.

Самсон зашел в совмещенный санузел и запер за собой дверь, снял штаны и сел на унитаз, в тот же мгновение глаза его закрылись, и он сладко задремал. Стук в дверь разбудил сладко спящего врача.

– Может ты уже выйдешь, онанист проклятый – кричала жена.

Самсон несколько раз зевнул, расправил плечи, потянулся.

– Да, да, зубы почищу и выйду.

– Ты уже два часа их чистишь, выходи, я в туалет хочу.

Самсон щелкнул заслонкой и открыл дверь.

Жена вошла, внимательно все осмотрела.

– Чего ты тут делаешь?

– Ничего.

Самсон встал с унитаза, надел штаны. Вика недоверчиво посмотрела на него, словно опасаясь чего-то, заглянула в унитаз, присела на теплый, нагретый мужем стульчак, помочилась, подтерлась клочком туалетной бумаги, надела трусы и вышла.

– Смыть кто за тобой будет? – ругнулся Самсон, спустив воду в унитазе. Умывшись перед сном и почистив зубы, Штиц пришел в спальню и лег рядом с женой.

– Ты что, онанируешь там?

Вика повернулась лицом к мужу.

– Я тебя умоляю, не болтай ерунды, давай спать.

Самсон выключил ночник и повернулся спиной к жене.

– Нет, что-то с тобой явно происходит? Слушай, милый, а ты, часом, не выдумал весь этот бред с иностранцами?

– Все, спи – пробормотал, погружаясь в сон, врач.

– Я так и не поняла, что ты решил, о чем вы договорились?

– Завтра поеду в офис, там и решу. Спокойной ночи.

Глава 4

Гриша ехал в метро, в его голове крутилась одна-единственная фраза, сказанная шефом – «к этому делу нужно подойти предельно серьезно». Вдруг на одной из станций раздался телефонный звонок, Гриша достал мобильник. Звонил шеф.

– Да, да, я выйду из метро позвоню – ответил Гриша. – Я в метро. Да там неясно пока, договорились на завтра. Я перезвоню.

Поезд уже набрал обороты и связь прервалась.

«Это шанс, наконец-то вылезем из грязи в князи – думал Гриша – матери денег вышлю, себе квартиру куплю в Москве, тачку крутую, женюсь». Напротив Гриши присела симпатичная девушка и улыбнулась ему. Гвоздев сконфузился, забегал глазами, а потом и вовсе закрыл их и притворился спящим. Спустя некоторое время он открыл глаза и мельком посмотрел на девушку. Она увлеченно читала толстую книгу. Гриша успокоился и вновь прикрыл глаза. Он вдруг вспомнил разговор с шефом.

– Наклеивается одно большое и очень перспективное дело. Начну с главного, бабла мы можем поднять с этого немерено, главное, зарекомендовать себя. Любая прихоть – он сделал упор на эти слова и ткнул пальцем в воздух – должна быть исполнена по первому зову. Итак к сути дела – сказал босс делово. Затем выдержал паузу, прошелся по кабинету и начал.

– Чем мы с тобой занимаемся?

Гриша нахмурил лоб, придав лицу выражение напряженной задумчивости.

– То-то и оно, что мы полной херней с тобой занимаемся – не дав ему сказать ни слова, самокритично отрезюмировал шеф – И вот, нам подвернулось стоящее дело. И к этому делу нужно подойти предельно серьезно.

Гриша одобрительно покачал головой.

– А что за дело-то, шеф?

– Ты не качай головой, как собачка на панели и не перебивай. Короче, есть такие богатые люди, нет это не те, которые ездят на джипах и пьют «секс на пляже» в кабаках по вечерам, у этих бабла столько, что можно до конца жизни долларами задницу подтирать, хоть пять раз на дню. И вот люди эти очень устают на своей тяжелой работе. Как и всем, им просто необходим отдых. Но дело в том, что отдыхать они предпочитают не так, как все. Пляжи Коста-Рики и склоны Альп им не по душе.

«Видимо, и я предпочитаю отдыхать никак все» – подумал Гриша.

Шеф мучительно проскрипел мозгами, подбирая нужное слово.

– Экстрим – вдруг выпалил он – они хотят экстрима.

– С парашютом, что ли, прыгнуть, или камел трофи какое? – удивленно спросил Гвоздев.

– Вот тут собака-то и порылась. Нет, друг мой, круче. Они играют в разные дурацкие игры.

– В шахматы, что ли?

– Гриша, не тупи, не нужно показывать, что ты дурнее паровоза, люди этого не оценят. Это что-то из области садизма, мазохизма и прочей херни. Для них специально был сделан концентрационный лагерь времен Второй мировой войны, все в натуре, все реально. Одни из них были заключенными, другие охранниками. Но помимо наших клиентов, там было много простых обычных людей и заключенных, и охранников. Понимаешь ты, все реально. Никто не знал, что они богачи, и что это они все устроили. Их кормили, били, насиловали, как обычных заключенных. Одно единственное правило, эти люди должны были выжить.

– Охренеть! – вырвалось, как-то само собой у Гриши.

– То-то и оно, что охренеть. Ну вот, что-то подобное мы должны им предоставить, только с русским колоритом. Им нужны два человека, зачем я не знаю. Только эти двое должны быть,

как бы сказать, короче ни курицы тупоголовые. Умные, но бедные. В общем, чтобы не рабочий и колхозница, а из среды интеллигенции. Так что твоя задача найти этих двух интеллектуалов.

– Какой-нибудь врач и работник культуры? – слегка замявшись, спросил Гриша.

– Умница, схватываешь прям на ходу – похвалил его шеф.

– Я могу задать еще вопрос? – обрадовавшись, что угодил шефу, спросил Гриша.

– Сколько угодно.

– А почему они обратились именно к нам?

– Резонный вопрос. Видишь ли, Григорий, я думаю не только к нам, а в такие же шарашки, как и наша.

– А почему?

– А почему не в кремль ты хотел спросить? – съязвил шеф – во-первых, все должно быть строго конфиденциально, то есть секретно. Во-вторых. А, во-вторых, может и не быть. Если что-то пойдет не так, нашу фирму и ее сотрудников ликвидируют, для тупых объясню понятнее, пустят на колбасу.

– На какую колбасу? – недопонял Гриша.

– На ливерную, Гвоздев, на ливерную. Или же на шаурму, ел шаурму?

– Ел – утвердительно пробормотал Григорий.

– Вот – с видом знатока произнес шеф – это только идиоты думают, что там собачатина.

Виски будешь?

Гриша кивнул головой. Шеф налил два стакана, взял один и сделал небольшой глоток.

– Мы еще можем отказаться. Но скажу тебе, друг ты мой сердечный, от таких предложений не отказываются.

Гриша залпом опустошил стакан, занюхал рукавом и выдохнул.

– Сильная собака, самогон напоминает, мать гнала. А за что же на колбасу-то?

– Ей-богу, Гриша, ты недоразвитый, а еще менеджер. Ни за что просто так. Вдруг ты чего-нибудь прессе ляпнешь. Слышал про охоту на людей?

– Нет, по видуку, как-то очень дано смотрел фильм америкосовский.

– То-то и оно, что тут не фильм, в Подмосковных лесах, знать развлекается. Пускают двух, трех человек, а затем идут следом, травят собаками, из ружья стреляют, а потом ножом добивают, обычно голову отрезают. Затем фотосессия с фуршетом и все такое.

– А из этих, на которых они охотились, впрочем об этом я уже говорил.

Шеф задумался, прикусил, затем пожевал нижнюю губу и продолжил пугать Григория.

– По началу бомжей гоняли, на вокзале приглядят подходящий экземпляр, нальют ему водки, посадят в машину и загород, в лес. Только в бомжах интереса мало, они за жизнь не борются, насрать им на это, убьют и что с того, как овцы. Поэтому вариант с бомжами в скором времени потерял свою привлекательность. Стали брать обычных людей.

– Брать – удивился Гриша – где брать?

– Не тупи, где-где, в Караганде, на улице где же еще.

– Шеф, а ты не боишься, что нас могут после того, как все закончится, так же собаками затравить и на вертел.

Шеф налил еще виски.

– Я не исключаю подобную возможность.

Он выпил залпом и уселся в кресло.

– Что мы им можем предложить? – лоб шефа, словно земля в засуху, покрылся трещинами.

– Не знаю – развел руками Гриша.

– Ладно, время еще есть. Дальний путь начинается с первого шага. Найди двух хмырей и нужно будет составить контракт, но, так что бы он их ни отпугнул. На все про все у нас неделя.

– Метро «Алтуфьево», конечная. Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны – захрипел динамик.

Гриша открыл глаза, народ не спеша выходил из вагона. Гвоздев поднялся и присоединился к вялой, безликой массе, устало возвращающейся после трудового рабочего дня, домой. На улице было темно, горели фонари. Гриша закурил, и не дождавшись маршрутки, направился в сторону съемной квартиры. Бывшая хозяйка квартиры, ветхая старушонка лет семидесяти, души не чаяла в Григории. Она доживала свой век на другом конце города и по причине старости и постоянных болезней никогда не ездила в сдаваемую квартиру. Гриша сам приезжал к бабушке раз в неделю. Он приносил ей продукты, покупал хлеб, молоко, макароны, крупы, сосиски, в общем, все то, что заказывала старушка. Раз в месяц Гриша исправно платил за квартиру. Бабушка так полюбила Гвоздева, что частенько поговаривала о том, будто оставит ему в наследство ту жилплощадь, в которой он сейчас проживает. Гриша прекрасно понимал, что этого никогда не будет и не питал на сей счет никаких иллюзий. У бабушки было слишком много родственников. Двое сыновей, две дочери и у каждого, в свою очередь, имелись взрослые дети.

«Пока живу, – говорил себе Гриша – а там посмотрим».

Вскоре старушка умерла. Гвоздеву по телефону сообщила сей прискорбный факт внучка хозяйки, жившая последний год в квартире бабушки. Гриша видел эту молодую статную особу раза два и то со спины. Девушка всегда удалялась в свою комнату, как только менеджер переступал порог их квартиры.

Гриша надел черную рубашку и свой единственный темно-синий костюм в полоску, в котором он ходил на работу. В магазине купил бутылку водки и поехал в последний раз к старушке на квартиру. Дверь была открыта, Гриша вошел, тайком, чтобы никто не видел, неумело перекрестился и прошел в зал. Бабушка лежала в гробу, на голове ее была черная ленточка с какими-то буквами, в изголовье горели свечи, зеркало было занавешено тряпкой, шторы задернуты. В комнате было очень душно, стоял мерзкий, спертый запах. Гриша вытер рукой слезу и вышел в подъезд на площадку. Там тусовался народ, курил и очень эмоционально обсуждал наследство. Хотя Гриша никогда не видел этих людей, нетрудно было догадаться, что перед ним стояли родственники покойной. Он достал сигарету и закурил. Ему ни с кем не хотелось говорить, было противно даже стоять на одной площадке с этими людьми, еще не похоронившими тело, а уже принявшимися грызться между собой за лакомый кусочек бабушкиного наследства.

Гриша поднялся на пять ступенек повыше и присел на лесенку.

– А вы кто? – спросил его обрюзгший мужик с красными не здорово блестящими глазами.

– Квартиросъемщик – сухо произнес Гвоздев и выпустил облако табачного дыма.

Родственники вдруг сразу замолчали, а затем по одному зашли в квартиру. Быть может, им стало стыдно, что пять лет, этот, неведомый никому из них, менеджер ухаживал за их матерью, носил ей продукты, варил обеды, подолгу сидел, слушая истории из ее жизни, а они даже не удосужились познакомиться с ним.

Гриша достал бутылку, половину выпил из горлышка, оставшуюся водку тут же вылил на обшарпанный бетонный пол и поехал домой. Спустя неделю он узнал, что бабушка оставила завешание, увы, о Грише в нем не было ни строчки. Квартира по наследству перешла старшему сыну старушки. Мужик он оказался сговорчивый и покладистый. Гриша остался жить в той же квартире и цена за аренду осталась прежней, словно ничего и не изменилось. Однако иногда вечерами Гриша, смотря телевизор и, попивая пивко, вспоминал, как он ехал на край города, бегал по магазинам, а потом долго сидел у бабушки, слушая ее нескончаемые рассказы о житье-бытье.

Она поведала ему, как оставшись без отца и матери, подалась, совсем еще зеленой девчонкой, в Первопрестольную. Устроилась на комбинат ткачихой, жила в общежитии, где порой

не было ни отопления, ни воды, а тараканов было так много что приходилось вытряхивать их из постели перед тем, как лечь спать. Крысы, словно домашние животные разгуливали, где вздумается. Рассказывала, как познакомилась с будущим мужем. Работал он водителем на легковом автомобиле, по тем временам большая редкость, возил какого-то начальника из кремля. Вспоминала, как первый раз ездила со своим Павликом, на его роскошной машине по ночной Москве, как вышла замуж, родила детей, всех поставила на ноги, дала образование. И еще многое, многое другое поведала старушка Грише о своей нелегкой жизни. Из этих рассказов Гриша, был заочно знаком практически со всеми родственниками бабульки. Он знал, что средняя дочь сделала аборт, по причине весьма обыденной – ее бросил молодой сержант, отказавшись жениться, и то, что младший сын пять раз лечился от алкоголизма, и о том, что внука посадили в тюрьму за распространение и употребление наркотиков и много иных семейных тайн.

Гриша пришел домой, включил телевизор, достал из холодильника бутылку пива и удобно устроился в кресле.

Зазвонил телефон, Гвоздев дернулся от неожиданности.

– Черт, забыл.

Звонок был от начальника.

– Ало, шеф. Да, вот только вышел – солгал менеджер – да, нашел. Не знаю. Сколькие они какие-то, не особо на бабло ведутся, хотя, я думаю поднажать и расколются. Да, да, договорились на завтра, в два в офисе. А что делать, им официоза нужно, их не устраивает в кафе. Ну да, договорились. Угу, угу, угу. Пока. Гриша нажал на кнопку телефона и положил трубку на журнальный столик, достал сигарету и закурил.

Глава 5

Вазян проснулся часов в десять утра, болела голова, и во рту было отвратительно сухо и кисло. Он пальцами потрогал покрытый корочкой язык. Поднялся и пошел на кухню. Жены уже не было, она ушла на работу, заперев дверь на ключ. Вазян достал из холодильника бутылку минеральной воды и стал жадно пить, прямо из горлышка. Затем достал из аптечки таблетку от головной боли, положил ее на язык и запил водой. На столе Вазян обнаружил записку.

«Арнольд, нам нужно серьезно поговорить. Надеюсь, вечером ты будешь дома. Лена».

Больше всего в жизни Вазян не любил разговоров, которые происходят между мужем и женой. Это вечное выяснение отношений, кто прав, кто виноват. Он всем сердцем ненавидел все эти семейные склоки и дразги, которые возникают, по его мнению, на пустом месте, из ничего. Не так сказал, не то сделал и после этого, как из искры пламя, вспыхивает такой скандал, после которого молчание и взаимные обиды, длятся неделю, а то и больше. Всякий раз, как только начинались подобные ссоры и склоки, Вазян готов был взорваться, как бомба, наговорить кучу гадостей, аргументами усиленными криком подавить врага. Он заводился с пол-оборота и ничего с собой поделывать не мог. А уже после корил себя и терзал раскаяниями в своем горячечном поступке, по несколько раз прокручивая в голове сложившуюся ситуацию. Все это было последствием двух неудачных браков, психика Вазяна серьезно пострадала от них.

Арнольд достал сковороду, налил на нее масло, взял из холодильника колбасу, помидоры, лук, все продукты порезал кубиками и высыпал на сковородку, накрыл крышкой и зажег огонь. Достал два куриных яйца, разбил их в кружку, посолил, положил туда столовую ложку майонеза, поперчил и взбил до однородной густой массы. Затем приподнял крышку, помешал ложкой в сковородке и залил сверху яичной массой из кружки. Включил чайник и закурил, ожидая приготовления яичницы. Чайник вскипел в считанные минуты. Вазян бросил на дно кружки горсть чая, залил кипятком и накрыл блюдцем, чтобы настаивалось. Яичница шкварчала, наполняя кухню ароматным, соблазнительным запахом еды. Арнольд выключил огонь, взял деревянную подставку, на нее поставил, массивную чугунную сковороду, отрезал хлеба, взял вилку и принялся есть.

«Природа отдыхает на детях гениев» – ни с того ни с сего вдруг вспомнил Вазян крылатое выражение.

– Какая глупость – произнес он вслух – если бы она только на этих детях отдыхала, а, то, куда ни плюнь, одни бездари и тупицы. Хотя, средства массовой информации нас пробуют убедить в ином. Такое впечатление, что все современные композиторы, писатели, актеры, музыканты, режиссеры, сплошь одни гении и чада их тоже гении, даже еще круче своих отцов гениев. А просто дети? Все рожденные за последние десять лет, все как один дети индиго – то есть априори гении. Трудись природа, некогда тебе отдыхать, да и не на ком уже. И какая-то странная у нас система измерения этих гениев. Вот, например, Евтушенко, гений? Безусловно гений, тут даже вопросов быть не может, самый главный гений из всех когда-либо живших в нашей ойкумене. Бог с ним, Евгений гений, а Безруков, тут, вообще, без комментариев. Ну хорошо – шкрябая вилкой по сковородке – увлеченно спорил сам с собой Вазян.

– Почему, вправе именоваться гением, отказано сантехнику дяде Пете, проработавшему этим самым сантехником больше 40 лет? По какой такой причине? Может, оттого, что бессмертные стихи величайшего русского поэта, живущего в России, а работающего в Америке, будут читать через 20, а быть может, и через сто лет и с бессмертными ролями то же самое. А что же срать-то гении перестанут? У гениев это атрофируется за ненадобностью? Будет просто голова и руки, ноги не нужны, зачем гениям ноги? Руки необходимы, чтобы жестикулиро-

вать, играть, к примеру, на балалайке, а все остальное лишнее, голова и руки – этого для гения вполне достаточно. Есть рот, чтобы петь, с руками разобрались, остался мозг, чтобы придумывать разного рода хрень. Все, всего остального не надо. Катится по городу голова, а навстречу ей другая.

– Эй, привет, гений!

А другая ей в ответ.

– Здорово, гений!

Первая

– Ты гений чего?

Вторая.

– Гений театра и кино, разве ты не узнал меня?

Первая

– Ой, как же как же просто я весь сосредоточен на работе. Узнал, еще как узнал.

Вторая

– А ты гений чего?

Первая

– Ты что, я гений прозо-стихосложения, разве ты не узнал меня?

Вторая

– Ну как же, конечно, конечно. Ох, нелегко нам гениям, повсюду узнают, автографы просят, там выступи, с тем встреться, а ведь еще и творить нужно.

Первая

– И не говори-ка. Я вот только в свободное время и творю, а его практически нет. Как белка в колесе, презентации, встречи, выступления, голова кругом идет.

Вторая.

– Еще бы.

И тут к ним подкатывается третья голова.

– Привет, гении!

Первая и вторая

– Привет, гений! Только ты нам скажи по какой ты части?

Третья

– Я-то? Я по обсирательной части.

Первая и вторая

– Как это?

Третья

– Это такая антикварная часть, очень редкая. Раньше самая главная была и если ты был гений по обсирательной части, то выше уже и быть не могло. Все гении к тебе обращались за помощью.

Первая и вторая

– Что же это он такое делал, если все гении обращались к нему за помощью?

Третья

– Не, ну, я точно не знаю, давно это было, в те незапамятные времена, когда гении еще обсирались.

Первая и вторая

– Наверное, очень давно?

Третья

– Да, это когда Гомер, Шекспир, Евтушенко жили, очень давно.

Первая и вторая

– Круто. Ты реально крут. А чем занимаешься-то?

Третья

– Все больше по исторической части, но времени, совсем нет, даже в архиве посидеть толком. Лекции, выступления, собрания, вот вчера иностранные гении приезжали с ними триндели целый день. Вечером, как водится, банкет фуршет, шашлычок, коньячок.

– Точно – вдруг вспомнил вчерашний день Вазян.

Голова не проходила.

«Надо бы еще колесо сожрать» – подумал он и взглянул на часы.

«Сегодня встреча в два часа, бабло нереальное, почему бы и не сходить? Только вот интересно, как они собираются этих уродов развлекать в условиях местного колорита? Баня, водка, бабы, архипелаг ГУЛАГ, НКВД, КГБ, зона, балалайка, а, может, на рыбалку их свезут в Подмоскovie, на Оку или на Волгу? А что если клевать не будет? И хер с ним, скажем национальный колорит, наливай и пей, вот тебе и чудо-рыбалка. А если они захотят жесткача? Построить им скит в лесу, пусть они там сидят, или в яму, как протопопа Аввакума на хлеб и воду, день летный, день пролетный. А для пущей убедительности вырвать ноздри и батогами высечь тоже дело. Или устроить им встречу с инопланетянами, у нас, слава богу, этого добра полно. В любом районе рядом с магазином пасутся с утра до вечера. Только мне почему-то кажется, что никто за просто так денег не даст».

Вазян принял душ, почистил зубы и собрался на встречу.

В два часа искусствовед стоял рядом с домом, в котором располагался офис. Арнольд закурил, через несколько минут подошел Самсон.

Они поздоровались.

– Давно стоишь? – поинтересовался Самсон, изучая взглядом окрестность.

– Нет, только пришел – ответил Вазян, бросив на землю окурочок – ну что, готов для развлечений?

Самсон посмотрел на Вазяна исподлобья.

– Я врач – произнес он враждебно – а не шут гороховый. Я могу лечить людей, петь и плясать у меня получается гораздо хуже.

– Ага – покачал головой Вазян – а на кой хрен ты приперся и мне тут высказываешь? Я тебя на работу не нанимаю.

– Ну, да, да – согласился Самсон – давай, что ли, войдем, чего стоять-то? Посмотрим, может дельного чего скажут. Слушай, а как ты познакомился с этим, как его там?

– Гришей?

– Гришей – неприязненно произнес Штиц.

– Через интернет, а ты?

У Вазяна все еще болела голова и он ладонью прижал пульсирующий висок.

– Тоже – кивнул Самсон – а как?

– Что как? – не понял вопроса Вазян.

– Как через интернет, на сайте знакомств, в аське, на форуме, как? – уточнил Штиц.

– А, чего-то туплю с утра, башка после вчерашнего пива болит. Я же в аспирантуре учусь, деньги голодному студенту всегда нужны, вот и разместил резюме на всяких сайтах о работе, в надежде клюнет чего.

– Ключуло? – озабоченно поинтересовался Самсон.

– Вот же – Вазян кивнул головой на дом.

– А – стукнул себя по лбу Штиц – а другие предложения были или только это?

– До жопы – махнул рукой искусствовед – мне почему-то кажется, что и это полная лажа, такими деньгами просто так не разбрасываются.

– То-то и оно – произнес Самсон задумчиво – то-то и оно. Сомневаюсь я, однако, что-то тут нечисто. С ними надо ухо остро держать, а то МММ всякие, гербалайфы мы уже проходили.

– А ты, как бы это – замялся Вазян – типа экстрасенс, или как там их?

– С чего бы вдруг? – выпучил глаза Штиц.

– Ну или типа целитель, гомеопат?

Самсон добродушно рассмеялся предположению.

– Да с чего ты это все взял? – удивился Штиц.

– Ладно, проехали – отмахнулся Вазян.

– Нет, нет, мне просто интересно откуда ты, вообще, взял подобные предположения? – не унимался Самсон.

– Ты вчера про мочу чего-то Грише гнал, какая-то аура и все такое, я в этом не очень понимаю.

Самсон расплылся в улыбке, а затем стал ехидно хихикать.

– Че ты ржешь-то? – обиделся Вазян.

– Нет ничего, это так, не обращай внимание. А вчера это бред обычный, у меня бывает вдруг понесет и начинаю херню городить. Остановиться бы, ан нет, не могу, несет меня. И еще мне показалось, что вы меня разыгрываете, все как-то не правдоподобно было, вот я и брякнул про эту мочу.

– Ясно – расслабился Вазян – просто был у меня один приятель, а у него была девушка, старше его года на три или даже четыре. По молодости, год вполне значительная разница, да к тому же девчонки раньше созревают. Не суть, а нет – задумчиво произнес Вазян, пытаюсь вспомнить прошлые годы. – Нам было по двадцать три или около того, а ей ближе к тридцати, если уже не за 30. Так вот, она, как бы это, лучше сказать, практиковала уринотерапию.

Вазяна передернуло.

– Фу, до сих пор противно. Симпатичная вроде девчонка, местного колорита лицо, волосы темные, грудь, вполне сносная грудь и попа тоже что надо попа была. Хотя после подобных заявлений о попе уже не думаешь.

– И чего она? – поинтересовался Самсон.

– Да нет ничего. Просто вспомнил, когда ты там бред свой нес. Я раза два с ней встречался, или три. Она по секрету со мной делилась, что мечтает о групповушке. Забавно конечно, но как только я узнал, что она занимается мочапитием, всякие половые вопросы отпали сами собой. Она мне говорит, уже лет семь пью и волосы смачиваю, поэтому ничем не болею. А я ей отвечаю, как же это ты ничем не болеешь, если уже семь лет мочу пьешь? Бе, мне аж чего-то противно стало, может, вырвет.

Вазян зажал рукой рот.

– Каждый по-своему с ума сходит – многозначительно произнес Самсон.

История о девушке пьющей мочу и ничем не болеющей, врача со стажем, ничуть не тронула, лишь отвлекла слегка от непонятных переживаний.

– Хотя, мне кажется, что тебя просто не очень элегантно отшили. Взрослые женщины это умеют делать, поверь мне.

– Может быть – нехотя согласился Вазян – все в прошлом.

– Прошное иногда напоминает о себе – тяжело выдохнул врач.

– А ты как с ним познакомился? – полюбопытствовал Арнольд.

– С кем, с Гришей? Так же как и ты, через интернет, с работы выгнали, вот ищу куда бы приткнуться. По специальности хочу, но сейчас вряд ли получится.

– А что случилось?

– Да так, ничего особенного – отмахнулся Самсон – что идем?

– Давай – Вазян откашлялся – я готов.

Офис находился в подвале, жилого многоэтажного дома. Рядом с массивной черной дверью красовалась кнопка звонка. Самсон позвонил в дверь.

– Вы к кому? – раздалось из динамика.

– К Грише – сухо произнес Штиц.

– А по какому вопросу? – мерзко проскрипел динамик.

– На счет трудоустройства.

Замок на двери щелкнул, Самсон потянул ручку на себя, дверь открылась.

Глава 6

Вазян и Самсон спустились по крутой лестнице вниз и оказались в маленьком холле. За столом сидела девушка приятной наружности.

– Здравствуйте – делово сказал Самсон – у нас назначено на два часа.

Вазян крутил головой по сторонам, изучая интерьер. Помещение выглядело довольно мрачным и угнетающим. Вазян никогда не замечал у себя склонности к клаустрофобии, однако в данный момент, низкий потолок, спертый воздух и отсутствие окон заставили его сердце биться в несколько раз учащенное обычного. «Какое убожество – подумал он про себя – нелепые постеры с цветочками в убогих деревянных рамах, ужасного коричневого цвета обои и нелепая черная мебель. И секретарша, если это секретарша, словно кукла барби, штампованная голливудская красавица российского разлива. Это либо клуб сатанистов, либо ритуальное бюро „Вечность“, или же просто контора типа „Рога и копыта“, а Гриша, должно быть, Балаганов. Осталось дожидаться, когда нас представят великому комбинатору».

– Подождите секунду – девушка растянула губы в стандартной улыбке, обнажая идеально белые зубы. Ее неестественного цвета глаза не выражали ровным счетом ничего, словно вместо них были пришиты две ультрафиолетовые пуговицы.

Спустя несколько минут в холл вышел Гриша.

– О привет, привет. Рад, что пришли.

Он приветственно, по-приятельски, словно бы старым друзьям, пожал им руки и пригласил проследовать за собой.

Гвоздев привел соискателей в небольшую, но довольно уютную комнату. Там стоял длинный полированный стол, с резными ножками. Возле стены, словно партийный руководитель большого ранга, пялясь в экран монитора, сидел коротко стриженный человек, широкий в плечах с большой головой на толстой шее. За его спиной в рамочке висел плакат с изображением президента России.

«Вот и дождался, получите, распишитесь. Вылитый Берга Мария Бендер, сын турецко-подданного» – подумал про себя Вазян, вспоминая описание литературного героя.

Человек отодвинулся от стола, встал, приветствуя вошедших, протянув им свою маленькую ладонь с короткими, толстыми пальцами, похожими на сосиски. Самсон обратил внимание на блеск ногтей, на этих сосисках. Это блестел бесцветный лак. Шеф, как называл его Гриша, каждую среду ходил в салон красоты, где ему делали маникюр и раз в месяц педикюр. Поздоровавшись, он вновь занял свое прежнее место, устремив взор в экран монитора.

– Присаживайтесь – бодрым голосом сказал Григорий – чайку, кофейку?

По всему было видно, что он доволен собой, его лицо так и светилось от счастья.

Вазян и Самсон присели, любезно отказавшись от предложенных напитков.

– Итак – взял инициативу в свои руки шеф – для начала давайте знакомиться. Меня зовут Вадим Вячеславович, можно просто Вадим. С Григорием вы знакомы. Как вас звать-величать и чем вы занимаетесь?

Шеф говорил сухо, делово, пронзая то одного, то другого необыкновенно острым, словно игла, взглядом маленьких дотошливых глаз, покрытых каким-то желтым налетом.

– Я по профессии врач – не вдаваясь в подробности, кратко обозначил свою профессиональную деятельность Самсон – зовут меня Самсон Штиц.

Вадим в знак одобрения или по иной причине, покачал головой.

Самсон замолчал, подумав, что для представления информации вполне достаточно, вторая часть – ответы на вопросы.

Возникла неловкая пауза.

– А вы, молодой человек? – нарушил молчание шеф, обратившись к Вазяну.

Арнольд откашлялся, а затем словно школьник спросил:

– Я? Меня зовут Вазян Арнольд, то есть зовут меня Арнольд, а фамилия Вазян, но по имени меня только жена называет, все остальные предпочитают по фамилии. Ну а что, я привык. Ах, да, учусь в аспирантуре на искусствоведа.

– Отлично – произнес довольный Вадим, расправив плечи – то, что нужно. Я надеюсь, Гриша вчера вам вкратце объяснил, чем необходимо будет заниматься?

– Если только вкратце – перебил его Самсон – хотелось бы поподробнее узнать, что и зачем.

– Что и зачем – нараспев повторил последнюю фразу шеф – это строго секретная информация. Секретнее, чем строительство атомной бомбы, я говорю на полном серьезе. Никто об этом не должен знать, ни жены, ни дети, ни друзья, ни родственники. Это, как бы лучше выразиться в первую очередь в ваших же интересах.

Надеюсь, об этом вас Григорий предупредил?

Гриша заискивающе посмотрел на Самсона и Вазяна, безмолвно моля о пощаде.

– Конечно – спас его Самсон – однако если...

– Давайте без этого – перебил его Вадим – мы не дети и должны понимать всю ответственность. Я не хочу начинать наше знакомство с запугивания, но поверьте, дело очень и очень серьезное, недаром на кону такая приличная сумма. За месяц вы заработаете больше чем за год, а то и за три года. Обратного пути нет, вот аванс.

Вадим достал из ящика и небрежно, словно голодным собакам кость, кинул на стол две пачки долларов.

Этот широкий жест привел безработных в некий ступор. Они зачарованно, во все глаза, смотрели на толстые пачки, словно аборигены из племени «Тумба Юмба» на разноцветные бусы.

Лишь низкий слегка надтреснутый голос шефа вернул их в действительность.

– Расписываться не надо, в пенсионный фонд на ваш счет я не собираюсь перечислять. Итак, что вам нужно будет делать...

– Постойте, постойте – встрепенулся Вазян – по-моему, никто из нас еще не дал своего одобрения.

Произнес он, не отрывая взгляда от долларов.

– Друзья мои – как можно ласковее сказал Вадим, однако в его интонации явно проследивалась скрытая угроза – давайте не будем усложнять и без того сложную ситуацию.

Вазян ухмыльнувшись, откинулся на спинку стула, скрепил руки в замок и нарочито положил их на свой впалый живот.

Вадим спокойно, внимательно посмотрел на Самсона, затем, переведя свой взгляд на Вазяна, широко улыбнулся, хитро сощурил глаза.

– У вас прекрасная жена, ребенок от первого брака, на которого вы, по причине отсутствия средств, не платите алименты, падчерица от третьего, мама в Мухосранске больная, очень вас любит, кстати.

Мерзкий и противный голос Вадима, словно оса жалил Вазяна в самое сердце.

Арнольд выпрямился, не вполне понимая, что происходит, затем согнулся, вжав голову в плечи, словно опасаясь удара по голове. Он был удивлен и в тот же момент обескуражен. Ему было неуютно и стыдно, будто его раздели донага на виду любопытной толпы и принялись пороть.

– Ну и, наконец, – не унимался Вадим, продолжая публичную экзекуцию – ваше творчество. Путь в люди, искусство в массы, а для этого нужны деньги, если вы, конечно, не хотите остаться навсегда непризнанным гением, тешащим себя тем, что вас откроют через сто лет, поймут и оценят силу и мощь вашего таланта. Я же предоставляю вам шанс подняться на вершину Олимпа не через сто лет, а в ближайшие годы.

Вадим еще раз широко улыбнулся и распротер ладони, словно бы показывая своим доверительным жестом – у вас нет иного выбора.

– Вы нам угрожаете – глядя Вадиму прямо в глаза, спросил Самсон, почувствовав на себе, душевные муки Вазяна.

– Боже упаси, как же я угрожаю, вам предлагают деньги, возможность заработать. Вы искали работу, вы ее нашли. Давайте мы перестанем кочевряжиться и будем говорить без обиды. Так чтобы вам было понятно, люди, которые заказывают для себя праздник жизни, не просто большие люди в плане влияния на мировые процессы, а очень, очень, очень большие.

– Марсиане, что ли? – совершенно не собираясь острить, озадаченно спросил Вазян.

– Нет – без доли иронии ответил шеф – считай, что из другой галактики. Есть такие особи человеческой расы, которых называют небожители, так вот эти, обитают четырьмя этажами выше. Да и чего вы собственно боитесь, лично вы – Вадим обратился к Самсону – в данном случае, уверяю вас, не нужно будет мучиться угрызениями совести и консилиум никто собирать не будет чтобы отстранить вас от медицинской практики в лучшем случае вас просто убьют, тихо и безболезненно.

Самсон сглотнул подступивший к горлу комок. В словах Вадима, не было ни капли позерства, нарочитой бравады или запугивания, лишь трезвые предостерегающие мысли.

Штыц напрягся, кожа на его лице побагровела.

– Вы страшный человек – сказал он негромко – откуда у вас...

Самсон, не закончив фразу, тяжело посмотрел на Гришу и замолчал.

– Я знаю о вас все – сухо произнес Вадим – мне довелось долгое время работать в службе, от которой ничего не может быть скрыто, там знают все про всех, от пеленок и до кончины. Поймите, я хочу быть с вами искренним, не потому, что вы мне нравитесь или же не нравитесь. С сегодняшнего дня мы одна команда и для того, чтобы не только заработать деньги, но – Вадим сделал паузу – но и остаться в живых и вам, и мне в том числе, необходимо действовать сообща и слажено. Иначе, но об этом лучше не думать.

Поймите, ничего личного, только бизнес.

– Мне чего-то не нравится все это – оглядев собравшихся, несмело произнес Вазян – я, пожалуй, пойду, обойдусь, как-нибудь без славы.

Гриша тер пальцами, то лоб, то глаза, явно нервничая.

– Хорошо – решительно произнес Самсон – давайте так подойдем к этому вопросу, что нам нужно будет делать?

– Да собственно ничего.

Вадим был спокоен, как удав, казалось, что отказ Вазяна его нимало не огорчил.

– Вам нужно будет жить там, где будут жить наши клиенты. Ваша задача как врача, чтобы иностранцы остались в живых. Если кто из них умрет, скончается и вы. Но при царапине, поносе, простуде и всем прочем, что не предполагает летального исхода, в больницу обращаться не надо. Куда бы они не направлялись, вы неуклонно должны быть рядом, даже если кто-нибудь из них захочет к корове в зад залезть, вам придется сопровождать их и туда тоже. Насколько это затянется, я не знаю.

– А чего они, вообще говоря, хотят? – встрял в разговор Вазян.

– Они хотят жизни нашей Российской, без показных схем для иностранцев. Процесс должен протекать сам собой. Коли уж вы спросили, то я поясню в чем будет заключаться ваша миссия. Вы неплохой специалист по русской культуре, средневековой в том числе. И вам, увы, как и вашему коллеге, предстоит все тяготы и лишения переносить вместе с нашими клиентами. Их интересует Русь, ее культура, обычаи, быт. Ваша задача накормить их этим дерьмом, до блевотной отрыжки. Будете им рассказывать откуда есть пошла земля русская, вы же читали студентам лекции, ну вот тут то же самое.

– Мне кажется, это бред какой-то – выдохнул Вазян.

– По-моему, тоже – поддержал его Самсон.

– А это? – Вадим указал пальцем на две пачки денег, лежащие на столе – тоже бред, по-вашему?

И Самсон, и Вазян, и даже Гриша заворожено смотрели на пачки, перемотанных резинкой долларов, им нечем было крыть, вполне понимая, что эти кипы зеленых бумажек, своими доводами перевесят любой бред.

– А каковы гарантии нашей безопасности? – спросил Самсон, слегка откашлявшись.

– Какие гарантии, никаких – отрезал шеф.

– У нас есть возможность отказаться?

Вадим покачал головой.

– Увы.

– Хорошо – смирился с положением дел Самсон – Гриша говорил, что если дело выгорит, от клиентов не будет отбоя, так ли это?

Вадим с укором посмотрел на своего подчиненного, затем перевел взгляд на Самсона.

– У вас пуговица верхняя болтается, вы ее оторвите, а то отвалится и вовсе потеряете.

– Что? – недоуменно спросил Самсон.

– Пуговица говорю на вороте – Вадим потрепал руками свою пуговицу на рубашке.

Самсон, слегка сконфузившись, взялся за пуговицу и оторвал ее.

– Там видно будет, не нужно загадывать наперед, а что касается вас, захотите останетесь, а нет, так и нет.

– А где гарантия, что в следующий раз, вы нам не скажите то же самое?

– Я не даю никаких гарантий, друзья мои, нам нужно как-то из этого болота выплыть, что будет дальше одному Богу известно. Деньги никогда не даются легко. Они, как любимая женщина, за которую нужно драться, только тогда она будет твоей. А если не будешь драться, кто-то другой будет иметь и твою женщину и твои деньги. Так то вот, друзья мои.

Гриша сидел молча, стреляя глазами то в гостей, то в шефа.

«Как странно – думал он – работаю под его началом уже больше двух лет и ничего толком о нем не знаю. А он слышал об этих парнях несколько дней назад и в курсе всех их дел, словно они друзья детства, если, конечно, не блефует. Но для того чтобы блефовать на руках должны быть карты, и они у него кажется есть. А судя по реакции этих двух типов, карты у него козырные. Лихо он их. Круто, если ему хватило такого короткого срока, чтобы узнать о них все, то про меня и думать нечего, ему известен каждый мой шаг. Он опасный человек, верно подметил этот врач. Что в сущности мне известно о своем шефе? Ездит на Х 5 той, женат, но кто жена, никогда не говорит о ней. Живет в пригороде, хотя, как-то в приватном разговоре упоминал, что есть квартира в Москве, где-то на Преображенке. Занимается хрен знает чем, то фильмы, то музыка, то какие-то тупые концерты, премии, награждения. Еще, по слухам, в Самаре есть небольшой бизнес, хлебопекарня или мясокомбинат. Однако и мне нужно опасаться. Если все так как он говорит, мы запросто можем стать обедом для этих иностранных псов. И мой шеф, кормит меня вместо педигрипала, даже не задумываясь. В таком случае квартира в Москве, жена и деньги уже не понадобятся».

– Итак – подытожил Вадим – это аванс, каждому по пачке, после выполнения работы получите остаток причитающейся суммы.

Вадим молча взял со стола бумажку, достал из внутреннего кармана паркер с золотым пером и размашисто написал цифры и слегка пододвинул бумажку, дав работникам рассмотреть сумму. Затем убрал ручку в карман, достал зажигалку, поджег бумажку и положил ее догорать в пепельницу.

Гриша при виде всего этого сконфузился, его опрокинутое лицо покрылось густой краской стыда.

– Это на каждого, не считая аванса – вновь заговорил Вадим. – Я думаю, что на все про все уйдет месяц, максимум два. На это время вам будет нужно покинуть своих жен и дома. Что вы там скажите, дело ваше, но главное вы знаете. Еще раз напомним. Обо всем, что здесь говорилось, должны знать только четыре человека, находящиеся в этой комнате. И поймите меня правильно, ни пугать, ни страшить я вас не хочу, однако предупредить обязан. Если вдруг что-то пойдет не так, мы все скоростно скончаемся.

Он тяжело выдохнул, еще раз окинул взглядом полным доверия всех собравшихся и произнес:

– И убереги нас Бог от того, чтобы мы не стали завидовать мертвым. Ваши номера телефонов я знаю, ждите звонка. Будут вопросы, предложения, пожелания, все через Гришу. Гриша – повысил голос шеф – не спи.

Гриша встрепенулся, его слегка оттопыренные уши светились, как фонарики.

– Да-да – откликнулся он услужливо – у них есть мой номер, если что я всегда на связи.

Шеф недобро взглянул на Гришу. Гвоздев смутился и добавил.

– Если не в метро, конечно.

– Надеюсь, все пройдет хорошо – бодро проговорил Вадим, поднимаясь с места, как бы давая гостям понять, что аудиенция закончена. – И вот еще, вы меня не знаете и никогда не видели. Вот ваш начальник – Гвоздев Григорий, прошу любить и жаловать. До свидания.

Вадим уселся на свое место, уставился в монитор компьютера и принялся что-то печатать, будто бы и вовсе не было никакого разговора.

Самсон и Вазян встали, поднялся и Гриша. Самсон, слегка помедлив, взял со стола пачку денег, потряс в руке, словно взвешивая, затем отогнул несколько уголков купюр, для того чтобы убедиться не куклу ли подсунули, почесал пальцем затылок и убрал доллары во внутренний карман. «Будь что будет» – подумал Вазян и подчиняясь стадному инстинкту, сгреб со стола предназначавшуюся ему пачку. Новоиспеченные работники попрощались и вышли из кабинета.

Девушка на ресепшене, дежурно улыбнулась и проводила их взглядом. Они поднялись на воздух, достали сигареты и закурили. Все трое молчали. Теплый ветер охлаждал их вспотевшие спины, улица гудела и шипела потоком машин, тут и там сновали озабоченные своими делами люди. Сигаретный дым, словно таблетка от стресса, успокаивающе действовал на возбужденную психику коллег. Затянувшуюся паузу нарушил Самсон.

– А кто он, твой босс? – спросил Штиц у Гриши.

Гвоздев помолчал, обдумывая ответ, затем произнес, не придумав ничего лучше.

– Бизнесмен.

– А по-моему фуфло полное – выбросил докуренный бычок Вазян – завидовать мертвым, крутой, обосраться можно.

– Можно – произнес, явно потрясенный разговором с Вадимом, Самсон.

– Ладно ребята, я вас оставляю, если что звоните, всегда на связи.

Гриша на прощание пожал обоим руки и скрылся за черной металлической дверью.

Самсон, кинул скуренную до самого фильтра сигарету и достал новую.

– Я еще не все до конца понимаю, но такое впечатление, что мы попали в глубокую жопу и как из нее выбраться не знаю. Это будет поглубже кроличьей норы.

– А тут и знать нечего, деньги у нас, никаких расписок мы не давали, идет он лесом, со своими иностранными уродами.

– Арнольд, ты совсем без мозгов или как?

– В каком смысле?

– Ты давно с ним знаком?

– Нет, первый раз вижу, а что?

– А то, что он знает о тебе больше, чем твоя родная мама.

Вазян молча смотрел на Самсона, было видно, как в глазах его бегают мысли, тяжелые, неприятные мысли, вызывающие страх.

– Вот так, мой друг искусствовед. Я полагаю, что этот Вадим не любитель шутки шутить, по всему видно, мужик он серьезный.

– И что же нам делать? – озабоченно спросил Вазян, ища в Самсоне мудрого философа, у которого на все есть ответ.

– Не знаю – отвел взгляд Штиц и бросил сигарету – пойдём, что ли, куда-нибудь выпьем?

– У меня денег нет – привычно, словно оправдываясь, произнес Вазян.

Самсон, недоумевая, посмотрел на приятеля, затем, как-то нелепо, но очень добродушно улыбнулся.

– Че лыбишься? – насупился Вазян.

– Нет денег – захохотал Самсон.

Арнольд хлопнул себя по карману, почувствовав увесистую пачку долларов, он тут же прыснул, заражаясь от Самсона и заражая его своим, смехом.

Они гоготали, словно беззаботные дети, схватившись за бока, как сумасшедшие, громко не стесняясь никого и ничего, безудержно, до икоты. Вместе со смехом из них выходило, словно воздух из воздушного шарика, накопившееся и переполнявшее каждого напряжение.

– Не то слово – поддакнул ему Самсон, вытирая ладонью слезы – пойдём.

– Ой, ой, ой – никак не мог отдышаться Вазян – вновь принимаясь хохотать.

– Ну все, сделай вдох и задержи дыхание – научил его Самсон.

– Фу – выдохнул Вазян – давно я так не ржал. А денег, я думаю, хватит и выпить, и закупить.

– И песню заказать – улыбнулся Самсон.

И они направились в поисках ближайшего кабака.

– Вот кафе – увидев забегаловку, Вазян ткнул пальцем, указывая на убогий, обшарпанный сарай с надписью «минутка».

Самсон соорудил недовольную гримасу и покачал головой.

– Я думаю, что при нашей наличности мы можем себе позволить более благородное заведение, как думаешь?

– Привычка, вторая натура – улыбнулся Вазян – водка, пельмени, пиво, кальмары.

– Надо только баксы поменять, сразу и проверим, а вдруг это просто бумага – Самсон принялся крутить головой по сторонам. – Не знаешь, поблизости обменник есть?

– Откуда, я в этом районе впервые. Как в Москву приехал, поселился на северо-востоке, там и живу. Правда, когда курьером работал, пришлось побегать по столице вдоль и поперек. У меня хорошая зрительная память, если место или человека один только раз видел, все, встретится вновь, сразу вспомню, но только зрительно. У меня так часто бывает. Смотрю на человека и знаю что видел его где-то, а где не помню. Потом окажется, что там-то и там-то, мы познакомились у хороших приятелей, долго сидели чего-то обсуждали. А в этом районе, бывать не доводилось, хотя надо отметить, что в Москве они все на одно лицо. Мусорные бачки, крысы, дома, машины, везде одни и те же, одно что спальные районы.

– Давно в Москве? – скорее для проформы, чем из любопытства спросил Штиц.

– Лет десять – с гордостью ответил Арнольд.

– Ясно.

– Вы сами-то, москвичи называетесь, а ничего в городе своем не знаете, живете всю жизнь в одном районе, вот магазин, аптека, школа, ЖЕК, на этом познания Москвы заканчиваются. Ну, может быть еще в метро без труда ориентируетесь, а в остальном, спроси тебя где Третьяковка находится, так ты ведь не ответишь.

Вазян возбудился, он говорил громко и эмоционально, с чувством обиды за этот любимый им город. Он негодовал, как они родившиеся и живущие здесь, не любят, не уважают,

не знают своего родного города? Хотя если послушать, на словах все горазды кричать о любви, а на деле, выходит, наоборот.

– Пошел ты, понаехали тут, лимита проклятая. Ты знаешь сколько в Москве осталось коренных жителей, процентов тридцать если наберется и то хорошо. А приезжие все едут и едут, повернись, плюнь и попадешь на кого угодно, только не на москвича, потому что их как индейцев, скоро совсем не останется. А ты вот приехал и ходишь тут королем, порядки свои хочешь установить, москвичей ругаешь, что мол сволочи последние, хамы и уроды. А кто нас такими сделал? Вы, такие как ты. А почему, да потому что срать вы хотели на этот город и на тех, кто в нем живет. Приехали, наработали, поучились, погуляли, нагадили и свалили к себе. И там уж у себя в кругу друзей и знакомых, под бутылочку пива или водочки с селедочкой принялись травить байки о зажавшихся москвичах. Вот и вся ваша психология.

– Ты сам то, москвич? – недоверчиво посмотрел на Самсона Вазян.

– Все, давай замнем эту тему, а то поссоримся, вон обменник.

Вазян повернулся и увидел штендер с курсом валют.

– Отлично. По сто бакинских поменяем, как думаешь, хватит нам? – ободрился Вазян.

– Думаю, хватит – медленно остывал Штиц.

Обменный пункт оказался закрыт. Они прошли еще пару кварталов, прежде чем нашли другой. Поменяв доллары, приятели отправились на поиски ресторана.

– А поехали в центр – предложил Самсон.

– Гулять так гулять – согласился Вазян.

Они потратили еще минут двадцать на поиск машины. Наконец-то им посчастливилось, остановилась белая шестерка.

Водитель – мужчина лет тридцати пяти, кавказкой национальности, первым делом спросил сколько денег.

– А сколько нужно? – улыбнулся Вазян.

– Куда ехать?

– В центр, на Лубянку – утомленно произнес Самсон – дорогу покажем.

– Харашо, садис – угрюмо пробормотал шофер.

Самсон уселся рядом с водителем, Вазян устроился на заднем сидении.

Машина затарахтела, как трактор и потихоньку поехала, набирая обороты.

– А куда мы едем? – бодрым голосом полюбопытствовал Вазян.

– Э, как куда? – возмутился водитель – сказали центр, я центр вас везу.

– Все нормально, в центр – успокоил его Самсон.

Штиц повернулся в пол-оборота, чтобы видеть приятеля.

– Был в «Главпивтресте»?

– Нет – покачал головой Вазян.

– Там подают отменную хреновуху.

– Хреновуха, это хорошо – довольный, расплылся в улыбке Арнольд и уставился в окно.

– Приличный кабак, внутри интерьер в духе советского союза, не были? – обратился к шоферу Самсон.

– Нэт, я ресторан не хожу. У меня в Баку семья: жена, две дочки. Автосервис держал, все нормально был, кому надо платил. А сейчас – налог плати, этому плати, тому плати, продал, невыгодно – водитель махнул рукой.

– Давно в Москве? – просунул между сидений голову Вазян, услышавший о Баку.

– Четвертый год, дома работы нет, семью кормить нужно.

– Домой ездешь?

– Нэт пока, подкоплю деньги поеду, а так чего ехать.

– Ясно – Арнольд откинулся на сиденье – курить-то можно?

– Кури, сам не курю, никогда не курил, но в машине разрешаю. Кури.

– Никогда не курил? – удивился Вазян.

– Нэт. Э, слушай, как едешь? – заругался он на черный Мерседес подрезавший их.

– Это имеется в виду табак не курил? – усмехнулся Арнольд.

– Э, нет, наркотик, гашиш, да, нет. У нас многие курят, насвай жуют, я нет зачем.

Самсон молча смотрел в окно.

– Слушай – обратился к врачу Вазян – боюсь простоим мы там, центр, пробки на каждом углу, давай, может, где поближе найдем.

– Не знаю – пожал плечами Самсон – давай. Командир – обратился он к водителю – где-нибудь рядом с рестораном останови.

– Слушай, ты русский язык понимаешь, я говорю не знаю рестораны где тут есть, вы скажите, куда высадить, да, там остановлюсь.

Шофер был явно недоволен.

– Стой, стой – закричал Вазян – вон чего-то там, в саду зеленом и густом.

Водитель остановил машину, Самсон протянул ему купюру.

– Пойдет?

– Э, слушай, накинуть бы рублей сто – жалостливым голосом произнес шофер.

– Имей совесть – возмутился Вазян, выходя из машины.

– Удачи на дорогах – Самсон вылез и хлопнул дверью.

Машина затарахтела, выпустила пару клубов едкого вонючего дыма и тихонько тронулась в поисках новых клиентов.

Пройдя по аллее, утопающей в зелени, новоиспеченные работники вышли к роскошной двухэтажной избе, срубленной из огромных увесистых бревен. На фасаде горела яркая вывеска «Избушка на курьих ножках. кафе-ресторан». Вся избушка светилась разноцветными бегущими огоньками. Рядом со входом стоял железный баннер, на синем фоне желтыми крупными буквами было написано – «Бизнес-ланч 250 руб.». Под надписью бизнес-ланч, красовалась надпись – «Меню». Далее шел список блюд с ценами, написанными мелом от руки.

Ребята вошли в ресторан, их встретила приветливая официантка, невысокого роста девушка с обесцвеченными волосами, большой роскошной грудью и табличкой «Анна».

– Вы покушать? – любезно спросила она и кончики ее губ слегка приподнялись вверх, а выражение глаз так и осталось пустым и бессмысленным, словно перед ней стояли не люди, а прозрачные тени.

– И покушать тоже – сострил Вазян.

– Присаживайтесь, я принесу вам меню – мягким пластмассовым голосом, словно заводная кукла, с записанными на пленку словами, произнесла Анна.

– Не надо меню – присаживаясь за столик, сказал Самсон – у вас хреновуха есть?

– Да, конечно – словно само собой разумеющееся, ответила девушка.

– В бутылках?

– Нет, я налью вам сколько скажете в штоф. Мы сами делаем...

– Отлично – восторженно воскликнул Самсон, не дав договорить девушке – мне определенно нравится эта избушка на курьих ножках.

– Что у вас там хреновульный аппарат, из хрена водку гоните? – подшутил Вазян.

Официантка улыбнулась, лицо ее оживилось, словно бы с него спала маска, в глазах засветился еле уловимый огонек.

– Грамм триста хреновухи, зелень там, картошечка, селедочка, хлебушек, ну а дальше, как пойдет.

Девушка записала в блокнот, затем прочитала.

– Все верно, больше ничего не желаете?

– Сок еще, томатный – добавил Вазян – и – он посмотрел на Самсона – нет, пива не надо. Самсон расплылся в улыбке. Официантка, заметившая это мило улыбнулась ему в ответ.

– А что на горячее? Его готовить нужно, это займет время, поэтому лучше сделать заказ заранее, чтобы потом не ждать.

– Хорошо – сказал Вазян, явно заигрывая с девушкой – есть у вас, что-нибудь этакое, сказочное, ну скажем Василиса прекрасная в яблоках, запеченная в печи?

– Нет – расцвела пышным цветом официантка – что вы, таких блюд у нас нет.

– Ну нет, так и нет – подмигнул ей Вазян – вы тогда нам принесите все же меню, а мы не спеша выберем.

Девушка кивнула головой и удалилась.

Самсон огляделся по сторонам, пододвинул поближе пепельницу и закурил.

Внутреннее убранство ресторана было оформлено в стиле – «охотник и его трофеи», под потолком растопырив хвосты, на шесте сидела парочка глухаринных чучел, по всей видимости, собирающихся выяснять отношения. На стенах висели, чучела различных животных, половинки горных козлов, голова дикого вепря с большими клыками, напоминающая саблезубого тигра с картинок учебника по истории. В углу стояло чучело серого, оскалившегося волка с блестящими стеклянными глазами, и вызывало скорее чувство жалости к зверю, нежели страх при виде дикой твари. На одной из стен, в широкой раме, словно витрина магазина переливалась красками большая, метра два на три, довольно сносно выполненная копия «Охотники на привале».

– Что скажете, Арнольд, как вас там по батюшке?

– Сергеевич – Вазян не спускал глаз с официантки – я отца практически не помню.

– Странное сочетание Арнольд Сергеевич.

– Ничего странного, обычное сочетание – нахмурился Вазян.

Ему не нравилось свое имя, он его даже стеснялся, поэтому большинство знакомых и друзей звали его просто Вазян.

– Мы с вами Арнольд Сергеевич, попали в очень неприятную ситуацию –стряхнул пепел Самсон.

– Не понял о чем ты, об этой работе?

Штиц затянулся и выпустил дым через нос, словно китайский дракон.

– Именно.

– Да брось – отмахнулся Вазян – понты корявые. Это же Москва, здесь все только и делают, что строят из себя крутых парней.

– Нет. Арнольд, не понты. Этот шеф человек серьезный, мне показалось, что он рискует не меньше нашего, а то и больше.

– По-моему, глупости ты говоришь. Чем рискует? Ну ладно, у него бизнес, а мы с тобой чем рискуем, тебе есть что терять, мне нет. Оба мы безработные, оба нищие, оба...

– Жизнью, Арнольд, жизнью и, быть может, не только своей. Все намного серьезнее, чем тебе кажется. Нас тупо купили, мы угодили в очень глубокую кроличью нору, нужно искать выход. Я не хочу, украшать подобное заведение, как этот волк.

Вазян, сначала не понял, про какого волка идет речь. Затем он огляделся по сторонам и только теперь заметил чучело серого хищника.

– Слушай, Самсон, не драматизируй, все само собой сложится, предоставь событиям развиваться своим чередом, а там как бог даст.

Девушка принесла запотевший штоф с хреновухой, две тарелки разносолов, хлеб и обтянутую коричневой кожей книжечку с надписью – «меню».

– А рюмки? – улыбнулся ей Вазян – не желаете к нам присоединиться, мы будем рады.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Да, сейчас – и удалилась.

Официантка не заставила себя долго ждать и вскоре принесла две рюмки, два стаканчика и графин с томатным соком.

– Спасибо, девушка – поблагодарил ее Самсон – наполняя рюмки.

Вазян разлил по стаканам сок.

Столик, за которым сидели приятели, стоял у стены. Он был накрыт крахмально белой скатертью, в салфетнице, веером были разложены красные салфетки. Над столиком тусклым светом горела бра, создавая атмосферу интимности и уюта. Из посетителей в ресторане, кроме Вазяна и Самсона, никого не было. За барной стойкой стоял молодой бармен и флиртовал с официанткой.

– За удачу нашего предприятия? – Вазян поднял рюмку.

– Давай – тяжело выдохнул Самсон.

Они чокнулись, Самсон, как заправский алкаш выпил залпом. Вазян же, напротив, процедил сквозь зубы.

– А – крикнул Самсон – люблю хреновуюху.

Арнольд поставил пустую рюмку и тут же запил соком, затем поддел вилкой кусочек пряной селедки с колечком красного, сладковатого репчатого лука и все это отправил в рот.

– Рахат-лукум – произнес он, удовлетворенно жуя.

– Повторим?

Не дожидаясь ответа, Самсон взял штоф и наполнил рюмки.

– Рашен традишен – хихикнул Вазян.

Они выпили еще по рюмке. Через час, коллеги были уже изрядно пьяны.

– Нет, нет, я не понимаю – почти кричал Самсон, жестикулируя – люди с голода пухнут, умирают от болезней, элементарно нет денег на лекарства, а эти суки жируют, экзотику им подавай.

– Ты знаешь, что – перебил его Вазян – это все старо, как мир. Вот в древнем Риме, Нерон писал поэмы и читал их публике и все его хвалили. А другой – Вазян поднял палец, для того чтобы Самсон его не перебивал – Комод, он реально выходил биться с гладиаторами. Спроси меня, зачем ему это, имея такой титул наместника Бога на земле, весь Рим, да что там Рим, весь мир лежал у его ног? Чего не хватает, власть, деньги, слава, все есть? Нет, он предпочитал дерьмо кушать, устроит оргию, сам жрет и других заставляет. Дерьма нажрется и ну давай с гладиаторами биться.

– Слушай, Вазян – а если эти наши Зевсы тоже захотят дерьма пожевать и нас с тобой накормят?

– Или заставят биться как гладиаторов на арене.

Арнольд взял столовый нож и помахал им в воздухе словно саблей.

– Честно говоря, не представляю себе, чего они хотят, какой русской экзотики? Гладиаторы – это не наш профиль. У нас мордобой на Масленицу, затем братание и целование в пьяные разбитые уста. Как там у Башлачева – «Если забредет кто нездешний, поразится живности бедной, нашей редкой силе сердешной, да дури нашей злой заповедной».

Самсон смачно захрустел капустой.

– Не знаю – Вазян развел руками – может дури, а может и напротив русской святости, подвижничества. А чего, в монастырь их определить и пусть молятся днем и ночью. Или там – Вазян помахал кистью руки вправо и влево – можно, как Ермак Сибирь покорить, как думаешь?

– Разве угадаешь, что у них в головах, могут в советских бомжиков захотеть нарядиться и ползать по помойкам объедки жрать, да банки алюминиевые собирать.

– В советском союзе бомжей не было – возразил Вазян – там все работали. А сейчас мы с тобой безработные и это нормальное явление. У нас капитализм обреченно цветущий и источающий запах миазмов.

– И работа была, и худо-бедно жилье – согласился Самсон – у всех. Захотелось тебе, к примеру, поехать, а пусть хоть в Урюпинск. Садись и поезжай. Нет, там никто тебя с оркест-

ром встречать не станет, но работой обеспечат и жилье, пусть в общежитии, но предоставят, с голода не дадут умереть.

– Умереть-то, может, не дадут – хмыкнул Вазян – и с голоду не помрешь, в тюрьме и охранник приглядит, чтобы ты копыта не отбросил и накормят тебя баландой, а ты родной, знай паши на благо родной партии и правительства. Свободы не было – многозначительно произнес Вазян – свободы.

– Какой свободы, у кого ее не было? – вспыхнул словно спичка Штиц – это сейчас нет свободы, а тогда люди были свободны и чувствовали себя вопреки всяким режимам свободными. Они пели то, что считали нужным, что хотели петь, писали, рисовали, не боясь быть непонятыми, не опасаясь подохнуть с голода, не изменяя своей вере и принципам.

– А цензура, а КГБ? – яростно отстаивал свою позицию Вазян.

– Какая на хрен цензура, это сейчас цензура, цензура денег, диктат лавандоса, а главный цензор – рынок, вот где цензура. А раньше не было никакой цензуры. Только тут не нужно путать хрен с трамвайной ручкой. Одни писали для власти, в угоду ей, конъюнктурщики, при этом занимаясь искусством. Нет. Нет, не просто так, абы как, а по высшему разряду. Правда, в предложенных рамках, а другие занимались тем же самым, только вне границ, вне рамок. А Высоцкий клал, на всю эту цензуру, у него она была иная. Цензура совести, цензура сердца, если хочешь. А то, что там КГБ и т. д. и т. п. плевать он на все это хотел с колокольни, потому как свободный был. Внутренняя свобода в нем была.

Самсон почти кричал, жестикулируя, словно дирижер симфонического оркестра.

– А сейчас и ни рамок, и ни искусства нет, есть один, сплошной бизнес. А бизнес, друг мой Колька, с искусством ничего общего не имеет. Вот скажем наш русский великий современный художник, когда он успевает писать свои картины, если из телевизора в казино и обратно в телевизор. А при этом нишу свою занял плотно. И деньги рубит не хилые, только искусства там нет.

– Нет, я не согласен – возразил Вазян – херь полная. Только странно, что это ты говоришь мне искусствоведа. Искусство всегда оплачивалось золотой монетой, все, чего-либо стоящие живописцы, находились на службе у королей, у пап, богатых купцов, да у тех же генеральных секретарей. Они все были придворными, однако творили искусство и творили его не безвозмездно, то есть даром, а получая при этом приличный гонорар. И сейчас ничего не изменилось, если ты бездарь, да хоть сколько ори, что ты гений, тьфу и растереть, ты никому не нужен. А если у тебя есть талант, то обязательно заметят, а вот потом засунут в мясорубку и сделают фарш, чтобы лучше жевалось, а через год, два высрут, прости за грубость, да забудут.

Вазян замолчал, утерев сальный от масла рот.

– Нет правды на земле, но нет ее и выше – блеснул своими знаниями Самсон – А. С. Пушкин, маленькие трагедии, «Моцарт и Сальери».

– Пушкин умер, сказал князь Вяземский, выйдя к народу, а из толпы крикнули, нет, убит – парировал Вазян – давай за Пушкина.

– Давай – поддержал его Самсон.

Они выпили.

– Вот, знаешь, что я заметил? Например, Пушкин родился в Москве, а жил в Питере, думаешь почему?

– Не знаю – взял со стола зубочистку и принялся выковыривать застрявшую капусту Самсон – должно быть там была столица.

– Нет – отмахнулся Вазян и хлебнул из стакана сок – в любом городе, кого ни спроси, тебе скажут, что любят Питер. Вот ты москвич, ты Питер любишь?

Самсон пожал плечами, затем соглашаясь, кивнул.

– И что?

– А то, спроси в Питере любят они Москву и москвичей – Арнольд указал пальцем на Самсона – и они тебе ответят. Поезжай в любой город и задай тот же вопрос и получишь тот же ответ.

– Что ты этим хочешь сказать? – напрягся Самсон.

– Да собственно ничего, так размышляю – сбавил обороты Вазян – ведь, по сути, в Питере нет ничего русского, это глубоко европейский город. Рюшечки, завитушечки, барокко, рококо, классицизм, порт опять же, пароходы, суда, а купцов нет, все купцы в Москве. И купцы и деньги все в Москве.

– Все очень просто мы под властью стереотипов – спокойно произнес Самсон – то, что ты несешь, чешуя рыбная. В Москве деньги, да согласен, но это совершенно не значит, что в Питере все кругом культурные бессребреники. Им ничего не нужно, только одно, искусство подавай, на завтрак Моцарт, на обед Глюк, на ужин Чайковский, бред. Обычные мещане, менеджеры, мерчандайзеры, продавцы, консультанты, такое же., как в любом другом городе, включая Москву. И все хотят одного – бабла. Потому что бабло – это новый бог, он даст тебе все: машину, квартиру, жену, пароход, искусство, все что душа пожелает. И тут вопрос не Москвы и Питера, а всего мира, в любой точке шарика, люди алчные и мечты у них идентичные. Бабло – это то, на что мы все молимся. Новый бог, он во всем. Вот рюмка, хочешь, разбей ее, она стоит двадцать рублей, картина, выпивка, даже вон официантка – все имеет цену. Рубли, доллары, фунты, франки, неважно, ради этих бумажек мы готовы созидать, творить, продавать, убивать, любить, ненавидеть, выдумывать, петь, плясать, только заплати и все будет. Так что ни Питер, ни Москва здесь ни при чем.

– Ага, сначала гомосексуализм, а теперь оказывается есть и другая, более универсальная болезнь, деньги – съязвил Вазян – неужели было общество, в котором не знали про куплю продажу? Как только человек выделился из мира природы, все началось, завертелось, обмен, торговля, деньги, золото, камушки. Но всегда было разграничение Богу – богово, а кесарю – кесарево. И не надо всех мереть одним аршином. Филонов, Хлебников, да много иных людей, которые жили и творили ради искусства. Они не то что бессребреники были, они за всю свою жизнь ни разу досыта не поели, так чтобы пузо набок. А ты говоришь.

– Демагогия. Филоновы твои, Хлебниковы, все это частный случай. Я не о том. То-то и оно, что Богу – богово, это ты правильно заметил. Только сегодня новый бог – зеленый, шуршаще-хрустящий. Этого бога можно потрогать, свернуть в трубочку и положить в карман. Этот бог всегда с тобой, он накормит, согреет, спать уложит, напоит и поебаться завернет. Сегодняшний бог – зеленый американец. Просто он принимает разные обличия – для кого-то он выглядит, как Джордж Вашингтон, для других, как Франклин. Еще есть Грант, Джексон, Гамильтон их немного, но величественнее их во всем мире нет никого иного.

В сердцах махнул рукой Самсон. Вдруг у него зазвонил телефон. Самсон нажал зеленую кнопку и поднес трубку к уху.

Глава 7

Гриша спустился в подвал, долго кокетничал с секретаршей, общаясь на тему фитнеса. Секретарша при идеальной фигуре, отвечающей всем современным требованиям, была просто помешана на фитнесе. У нее была своя проверенная практикой философская теория бытия. Есть по этой теории позволялось все, пить любой напиток, включая наикрепчайший алкоголь, спать можно было тоже без ограничения в партнерах. Единственное, что было делать нельзя, так это курить и ругаться матом. И главное, – это, конечно же, фитнес. Нет фитнеса – нет ничего! Любила она поговаривать, когда Гвоздев щупал ее, оставшись наедине, вдывая в ее уши новую порцию фитнес-лапши. Для того, чтобы стройная философская концепция секретарши, не прошла мимо Гвоздева, он и сам занялся фитнесом и получал за это довольно приличный бонус от секретарши, в виде различного рода сексуальных удовольствий.

Поболтав с девушкой, помяв ее упругую попку, Гриша направился в туалет, привести себя в порядок, прежде чем показаться шефу.

Вадим сидел в той же позе, сосредоточенно смотря в экран монитора. Он даже не заметил, как Гвоздев вошел в кабинет.

– Ну что шеф? – спросил он заискивающе.

– Что? Ты где шляешься? – Вадим оторвал взгляд от монитора.

– Как они, подходят?

Проигнорировав ответ о своем отсутствии, Гриша присел на стул и жадно впился глазами в босса, в надежде разглядеть одобрение. Он никогда не мог понять в каком расположении духа находится его начальник в данный момент. Бывало, что он улыбнется по настоящему детской, доброй улыбкой, и в то же мгновение окатит тебя словно из ведра помоями, отборными матюгами. А бывало и наоборот, сидит мрачнее тучи, а потом вынет из кармана пятитысячную купюру, небрежно бросит на стол со словами, премия и отпустит домой пораньше.

В этот раз Гриша надеялся на хороший исход и одобрение своего шефа, все прошло, не сказать что гладко, но, по крайней мере, без лишних напрягов.

Вадим потер уставшие от монитора глаза и сухо ответил.

– Без вариантов, других искать нет ни времени, ни сил. Однако ты их не бросай. Деньги в руках неимущих интеллигентов, это зло. Они, должно быть, уже в кабаке празднуют, разговоры разговаривают за искусство. Наверное, говорят, что искусство не продается, а деньги это зло. Ты вот что, позвони им и узнай где они, а то, чего доброго, потеряют эту кучу зла, потом прибегут плакаться.

Шеф произнес это, как-то обыденно, само собой разумеющееся, но что-то в интонации голоса, в выражении лица не понравилось Грише. Что именно он не мог понять, собственно и не пытался. Его дело знай исполняй приказы, а думать и обдумывать, как сказано, зачем и почему, не входило в его обязанности.

Гриша, повинувшись словам шефа, достал телефон и набрал номер Самсона.

– Алло, Самсон? Это Гриша, вы где? Где? В ресторане. В каком ресторане? Избушка. На каких? А, понял, избушка на курьих ножках. Угу. А где он находится?

– Скажи, что сейчас к ним приедешь – дал указание Вадим.

Гриша в ответ кивнул головой.

– Я сейчас подъеду к вам, ага, ага, хорошо. Да, да, сидите там, скоро буду.

Гриша прервал соединение и положил мобильник в карман.

– Ну? – поинтересовался Вадим.

– Как ты и говорил шеф, уже пьют. Тут недалеко ресторан «Избушка на курьих ножках», пять остановок на автобусе, может, чуть больше.

– Вот что, Гриша, давай-ка дуй туда, посидишь с ними и развези их по домам, каждого лично до двери. Нам с тобой эксцессы не нужны, не хватало еще чтобы их в милицию забрали, или чего хуже, впрочем куда уж хуже то.

– Да, я понимаю, шеф – закивал головой Гриша.

– Очень хорошо если понимаешь, ступай.

Гриша мялся, переступая с ноги на ногу.

– Что не так? – озадаченно спросил Вадим.

– Ну, тачку надо поймать, в кабаке с ними посидеть.

Вадим прищурился.

– Гриша, ей-богу, ты как мелкий вымогатель.

Вадим достал из кошелька тысячу рублей и положил на стол.

– Это развести их по домам, до ресторана доедешь на автобусе, а что ты будешь делать там, твое личное дело. Все ступай.

Явно недовольный Гриша взял деньги и положил в карман.

– Шеф – промямлил он – я еще хотел спросить.

Гриша стал теребить пальцы, не решаясь продолжить фразу. Вадим молча смотрел на сотрудника.

– А откуда ты так много знаешь о них? Я заметил, как Самсон изменился в лице, когда ты сказал...

– О тебе я знаю еще больше – перебил его шеф – так что ни задавай глупых вопросов, а лучше поторапливайся, как бы там чего ни вышло, деньги у них при себе немалые.

– Да, да, иду.

– Вот еще – задержал его Вадим – совсем из головы вылетело, возьми деньги и счет, забеги по дороге в банк, нужно оплатить.

Шеф положил на стол платежку и красную пятидесятирублевую купюру.

– Там сдачу дадут сто пятьдесят шесть рублей, присовокупи их к тысяче.

Гриша попытался возразить, но шеф грубо осек его.

– Все иди.

Гриша взял со стола деньги и бумагу, открыл дверь и уже собрался выйти, но не удержался и спросил.

– А что обо мне, ты знаешь, шеф?

– О тебе, Гриша, я знаю все, ступай – рявкнул недовольно Вадим.

Гриша вышел, закрыв за собой дверь.

Вадим достал мобильник и сделал пару звонков.

Выстояв очередь в сбербанке, заплатив по счетам, проехав пять остановок на трамвае, Гриша через час был в «Избушке на курьих ножках». Он без труда отыскал в пустом зале, оживленно беседующую пьяную парочку.

– Привет, еще раз – поздоровался он и присел за столик.

– Тебя следить за нами приставили? Боятесь, как бы ни сбежали с наличностью? – огрызнулся Самсон.

– Никто меня не приставлял, а сбежать вам все равно не удастся, да и куда вам бежать-то? Ну ладно – выдохнул театрально Гриша – если я вам помешал – произнес он обиженно, уставший от стояния в очереди и в результате злой, как черт.

– Нормально все – махнул рукой Вазян, выправляя напряженную ситуацию – чего ты, Самсон к нему привязался, давай лучше выпьем за искусство.

– Сначала наехали, а потом пей с ними – начал строить из себя обиженку менеджер.

– Я угощаю – Вазян похлопал по карману, в котором лежали деньги – все фигня, не грузись. Это Самсон так, не по злобе.

Гришу не нужно было долго уговаривать, он повеселел в один миг.

– Ладно уж – Гвоздев одобрительно улыбнулся – наливай, на халяву, как говорится, и уксус сладкий.

– Девушка – закричал Вазян и защелкал пальцем о палец.

На крик подошла официантка.

– Нашему другу тару и меню – подмигнул ей Вазян.

– Простите, что вам нужно? – недопоняла девушка.

– Ну, как что, рюмку для менеджера, стакан и меню.

– Хорошо – девушка улыбнулась и ушла.

Вскоре возвратилась вновь, поставила рюмку и стакан, поменяла пепельницу и положила перед Гришей меню.

Приятели выпили и закусили. Гриша уткнулся в перечень еды, а Вазян с Самсоном все еще продолжали спорить о своем, разговаривая на повышенных тонах и постоянно жестикулируя. Вскоре подошла официантка и мягко спросила у Гвоздева, готов ли он сделать заказ.

– Так – сглотнув слюну, произнес Гриша, водя пальцем по наименованию – вот эту солянку, три куска хлеба и пока все.

Девушка записала в блокнот и перевела свой услужливый взгляд на Самсона.

– Нам еще триста грамм того же – Самсон показал на хреновуху.

– Хорошо.

Пока официантка несла заказанное, приятели успели допить бодрящую настойку, выкурить по две сигареты и обсудить различные темы некасающиеся работы.

Девушка принесла заказ, вновь поменяла пепельницу и удалилась.

– Я люблю солянку – сладостно вздохнул Гриша, вытирая салфеткой ложку – Перед тем, как приехать в Москву, я думал, что солянка, это суп из кислой капусты с картошкой.

Гриша рассмеялся.

– А теперь куда не езжу, всюду солянку заказываю. У нас в поезде, в кафе-ресторане классную солянку делают. Когда домой еду к маме, ну и из дома тоже обязательно кушаю. Возьму грамм сто пятьдесят водки и под соляночку, вкусотища. Давайте, что ли, под горячее.

Они выпили, и Гриша жадно принялся есть суп, хлюпая и чавкая, бойко орудуя ложкой.

– Рассказывайте бабушке – ухмыльнулся Вазян – в паровозе, а хошь в каком, отродясь еды нормальной не бывало. Это то же самое, что пельмени в пельменной, а чебуреки в чебуречной покупать. Вот мы с женой пробовали варить солянку самостоятельно. Это другое дело, когда для себя, тут уж не скуписься. Там должно быть не менее пяти сортов разного мяса: курица, свинина, говядина, колбаса копченая и сосиски. А уж точно не ливер и печень в придачу с требухой, как меня накормили один раз в какой-то говно – кафешке. Я после этого, не к столу будь сказано, блевал ну и, короче полное отравление организма. Так вот, на чем это значит я остановился? Все это мясо варится. На сковороде отдельно обжаривается лук, отдельно морковь. Я не помню, но, по-моему, картошку туда не кладут.

– Конечно, не кладут – поддакнул Гриша, уплетая за обе щеки – хотя и с картошечкой тоже ничего. Просто разные рецепты.

– Нет, Гриша, то что ты называешь, все что угодно, но уже не солянка. В солянку еще идут каперсы, оливки или маслины, я в них не разбираюсь и лимон. А, забыл совсем, соленые огурцы. Но признаюсь вам, очень уж жирно получается.

– По деньгам? – усмехнулся Самсон.

– И по деньгам тоже – ответил Вазян – у меня желудок больной, поэтому и в армию не взяли.

– Что с желудком, язва? – поинтересовался Гриша.

– Нет, там куча всего, гастриты, панкреатиты и всякая лажа. Ни острое, ни жирное нельзя, но я ем. Врачиха сказала, нужно кушать меньше, но чаще, раз пять в день, небольшими порциями. Не всегда получается, но я стараюсь.

Самсон усмехнулся, закинул ногу на ногу и с издевкой произнес:

– Послушайте, Вазян, заболеваниями, которые вы назвали, страдают девяносто пять процентов населения нашей страны. Это не плоскостопие и не шизофрения, с этими недугами берут в армию. Там как раз и режим, и каши. Гастриты лечатся на раз, два.

– А вот меня не взяли – напрягся Вазян – я не хочу раз, два. Я пацифист, если хочешь знать.

– Почему же не взяли-то, в стройбат всех берут, и пацифистов тоже? Там убивать никого не нужно, знай себе выкапывай и закапывай.

– У нас давно уже нет стройбата – заступился за Вазяна Гриша – его отменили типа бесплатная рабочая сила.

– А не хай отменили ваш стройбат, у нас есть связь, ЖДВ, это тот же стройбат, или зеков охранять. ВВ – Самсон шлепнул себя по плечу – виноват военкомат.

– Ты сам-то служил? – явно враждебно спросил Григорий – или москвичи, белая кость, голубая кровь им, как чукчам запрещают служить?

– Я бы попросил тут без намеков – ощетинился Самсон – ты ложки то салфетками научился протирать в столицах, или еще в своем мухосранске практиковал подобные аристократические замашки? Москвичи, если хочешь знать, такие же люди и службу несут справно, так что не надо тут грязи. Несчастливая обездоленная провинция, блин, достали уже.

– Ладно, замнем – предложил Вазян – лучше выпьем за успех нашего предприятия.

Они допили еще один штоф и заказали другой. Потихоньку в ресторан стал подтягиваться народ. Гриша, будучи в состоянии крайнего опьянения вдруг вспомнил, о том, что должен доставить этих двух новых сотрудников домой.

– Все, все, хорош, по домам – пробормотал он, опрокинув рюмку на стол.

К ним в очередной раз подошла официантка, поменять пепельницу. Вазян попытался ее притянуть к себе.

– Мужчина, держите себя в руках, а то я охрану позову – возмутилась девушка.

Вазян начал было выступать, но Гриша резко оборвал его.

– Ша, рот закройте все. Пора до дому, до хаты. Девушка, посчитайте нас – заплетающимся языком обратился он к официантке.

– Раз, два, три – хихикнул пьяный Вазян – все просто я и так могу, без нее, а куда она ушла?

– За счетом она пошла.

Самсон казался самым трезвым из всей лихой тройцы. Девушка принесла счет, положила на стол и ушла. Вазян долго изучал чек, возмущаясь и сквернословя, Штиц достал обозначенную сумму и положил в книжечку. Вазяна так развезло, что он никуда не хотел уходить из этого заведения, пока официантка лично не извинится перед ним. Гриша с одной стороны, Самсон с другой под руки подняли икающего Вазяна и поволокли на выход. Сделав два шага, Вазян забыл про официантку и стал горячо признаваться в любви попеременно, то Грише, то Самсону, сопровождая свои душевные излияния иками, приводящими к вздрагиванию всего тела. Самсон на эти любвеобильные экзерсисы лишь хмурился и молчал, Гриша же отвечал по-пацански, выражая братану уважку, респект и все такое.

– Я забыл – заплетающимся языком произнес Вазян, не переставая икать.

– Что, что ты забыл?

Гриша держал приятеля за руку, чтобы тот не упал невзначай.

– Сходить на дорожку – вновь икнул Вазян.

– Вот, дорожка – указал Гриша рукой на кусты.

– Пойдет – одобрительно кивнул Арнольд и удалился в кусты.

Разросшиеся плотные кусты, словно бутафорская ширма делили пространство сквера на две части, по этой причине приятели не могли видеть писающего Вазяна, зато они прекрасно слышали, раздающийся в хаотической последовательности:

– Ик.

И после на выдохе, утомленное.

– Ой, блять.

Самсон порылся в карманах, отыскал там помятую сигаретную пачку, вынул последнюю сигарету и закурил, запрокинув голову назад, выдувая едкий сизый дым в мутное, лишенное звезд, ночное московское небо. Гриша ковырял в носу, извлекая козявки, скатывал их в шарики и бросал на землю. По аллее, навстречу им неспешно вышагивали двое кряжистых, приземистых мужчин, одетых совершенно обычно, для посетителей подобных заведений. Самсон каким-то шестым чувством уловил опасность, распространяющуюся по воздуху, словно запах жженой резины. От этих двух незнакомцев веяло чем-то зловещим. Самсон поискал глазами Вазяна, не найдя его, перевел свой взгляд на покачивающегося Григория. Гриша умиротворенно улыбался, его совсем не волновали две темные личности, приближающиеся к ним. Его волновали проблемы сексуального характера, он раздумывал, где бы можно подешевле снять девочку на ночь. Самсон хотел было крикнуть Вазяна, но устыдился своего малодушия, потрогал рукой пачку денег и морально успокоился. Пьяный разум, усыпил в нем вдруг вспыхнувший на мгновение страх, и погрузил в раздумья о предстоящей работе.

Тем временем незнакомцы приблизились к ним вплотную. Один подошел к Самсону и попросил закурить. Самсон вынул из кармана пустую пачку и демонстративно смял ее в руке, давая тем самым понять, что сигареты закончились.

В это время другой, ни слова не говоря, хлестко ударил Гришу в подбородок. Удар был настолько сильный и нанесен с таким профессионализмом, что ничего не подозревающий Гриша в тот же миг рухнул на землю, потеряв сознание.

С небольшим запозданием на доли секунды, подобно молнии пролетел неприятельский кулак, слегка коснувшись Самсонова носа. Врач успел среагировать, несмотря на то, что изрядно выпил, он увернулся и сразу сгруппировавшись, встал в оборонительную стойку. Однако получил сильнейший удар в пах ногой, и в один миг, сложившись пополам, упал рядом с поверженным Гришей. Последующий, чудовищной силы удар, ногой в голову, лишил Самсона чувств.

Когда Вазян вылез из кустов, пред ним предстала довольно печальная картина. Его приятели лежат на земле. А двое неизвестных, роются в их карманах. От икоты вмиг не осталось и следа. Арнольд интуитивно покрутил головой, увидев палку, наклонился за ней и словно град с неба, на него обрушились хлесткие, сильные удары, сбившие его с ног. Последнее, что сохранил в своей памяти Вазян, это то, как незнакомец достает у него из кармана деньги.

Глава 8

С утра, еле живой, с легкой щетиной на помятом лице, источая стойкий запах перегара, Гриша явился на работу. Голова раскалывалась с похмелья, челюсть ныла. Шеф сидел за своим рабочим местом, словно бы никуда не уходил. Костюм на нем был прежний, а вот рубашка другая, синяя в полоску, да ярко-желтый галстук, навевающий на Григория страх и тошноту.

– Чего опаздываем? – бодрым голосом спросил Вадим.

– Проспал – с болью в скулах пробормотал Гриша.

Вадим оторвал взгляд от монитора и пристальным взглядом впился в Гвоздева.

– Ты их доставил вчера домой?

Гриша опустил голову, как провинившийся школьник, не решаясь взглянуть в сторону шефа.

– Ну-ка в глаза мне – рявкнул Вадим, стукнув кулаком по столу.

Удар был такой силы, что гром от него, заполнил звуком все пространство кабинета, создав в похмельной голове менеджера эффект разорвавшейся бомбы.

Гриша, преодолевая боль, тошноту, страх и чувствуя свою неисправимую вину, на мгновение поднял кроличьи, от полопавшихся капилляров, глаза и тут же взгляд его, словно невыносимая тяжесть, вновь рухнул на пол.

– Так – грозно произнес шеф – давай все по порядку.

Гриша присел за стол.

– Можно воды? – жалобно произнес он потрескавшимися сухими губами.

Голова гудела словно медный таз, пищевод напоминал высохший в пустыне колодец.

Босс промолчал, не отводя своих маленьких, холодных, с острым пронизывающим взглядом, глаз от Гвоздева. Гриша подошел к кулеру, налил в пластиковый стакан холодной воды и тут же выпил все залпом, налил еще и вернулся на место.

Вадим молчал, ожидая отчета сотрудника.

– На нас напали. Я не знаю кто. Уроды какие-то.

Гриша говорил медленно, прерывисто, каждое слово отражалось в его голове тупой, нестерпимой болью.

– Меня сразу вырубил. У ребят забрали все деньги.

Гриша опустил голову и замолчал.

Вадим перевел взгляд на свои блестящие от лака ногти.

– Замечательно – произнес он вслух – Гриша, ты совсем болван или как? Ладно эти придурки, но ты-то, я же предупредил тебя и специально послал за ними.

Гриша еще ниже опустил голову, он готов был провалиться сквозь землю.

– Иди на хрен отсюда, урод – заорал на него Вадим.

Гриша поднялся.

– Я не нарочно, я... – пробормотал он себе под нос.

– Идиот, мать твою. Ступай домой, завтра, чтобы как огурец, поглаженный, побритый, надушенный. Насчет этих дебилов, скажешь им, что это их проблемы, бабки они получили, как там ими распорядились дело хозяйское, мне по хрен. И чтобы не крутили там у меня и не отнекивались, башку оторву, скажи вторую половину получают после того, как работа будет сделана. Все, вали с глаз долой.

Гриша вышел из офиса, тяжело дыша и время от времени, закрывая рот рукой, чтобы не сплевать. Кое-как, добравшись до ларька, он купил бутылку пива, открыл и тут же, не отходя далеко, принялся пить. Одним махом выпил половину бутылки, оторвал и закурил. Челюсть его все так же ныла, голова болела, а руки ходили ходуном, словно у заправского пропойцы. Преодолевая похмельную тошноту, Гриша добрался до дома. По дороге зашел в магазин, купил

бутылку водки и две бутылки пива. Дома Гвоздев набрал воды в ванную и залез отмывать, посасывая пиво из горлышка. Затем взял телефон и набрал номер Самсона.

Штиц сидел, в позе опечаленного грифа, заложив ногу на ногу, согнувшись в три погребели, у себя на кухне и курил. Так погано ему было всего два раза в жизни. Это был второй.

Первый раз он испытал это мерзкое чувство, замешанное на стыде, никчемности, невозможности ничего исправить, год назад. В больнице, где работал Штиц, появилась молодая, красивая медсестра лет двадцати пяти, с обворожительными формами, с глазами, в которых утонул не один десяток мужчин, с роскошными белыми волосами до плеч и алым припухлым ротиком. Самсону было достаточно одного взгляда, для того чтобы почувствовать себя хищным зверем, мечтающим завалить эту дикую козочку. А вскоре оказалось, что эта козочка вовсе не дикая, а вполне объезженная и легко идущая на контакт кобылка. И вот в одну из ночных смен, Самсон сделал обход и совершенно удовлетворенный положением вещей направился к себе в кабинет. Вскоре к нему заглянула и Лия, та самая блондинистая санитарка. Самсон разлил в мензурки спирт, они чокнулись и выпили за здоровье. Второй тост был за знакомство, а третий, как водится за любовь.

– Какие у вас глаза! Я ничего подобного в жизни не видел – начал плести паутину своих сетей Самсон.

Лия расплылась в улыбке.

– Вы не смотрите, что я такая хрупкая, я могу перепить любого мужчину – кокетливо сказала она.

– Ха-ха-ха – рассмеялся Самсон – так уж и любого?

– Угу – хмыкнула Лия – мы в общепитии с парнями устраивали соревнование, я их всех сделала – не без гордости произнесла медсестра и слегка выпятила вперед свою роскошную грудь.

– Видать, слабые парни попались – усмехнулся Самсон.

– Что вы, еще какие матерые, только это им не помогло, все равно проиграли.

И Самсон, как зеленый неопытный пескарь, проглотил наживку.

А под утро, в больницу доставили женщину, пострадавшую в автокатастрофе. Конечно, Самсон смог бы ей помочь, но в тот момент он был невменяем. Развалившись на кушетке, врач спал, прижимая к обнаженной волосатой груди, стройные ноги блондинки. И когда его наконец-то разбудили, он долго не мог найти свои трусы, а после того, как нашел, у него никак не получалось надеть их на себя.

Пострадавшая, промучившись в реанимации два часа, не получив никакой специализированной помощи, отошла в мир иной. Дело решили замять, дабы не выносить сор из избы. Вместо преступной халатности, повлекшей за собой смерть пациента, Самсона выгнали с работы и отлучили от медицинской практики с формулировкой – «Врачебная ошибка – неправильное действие (или бездействие) врача, имеющее в своей основе несовершенство современной науки, незнание или неспособность использовать имеющиеся знания на практике».

Он так и не смог забыть, того тягостного, ужасного утреннего похмелья и вот что-то подобное повторилось вновь, в ином обрамлении, но с идентичным послевкусием.

Штиц сидел на кухне и не знал куда себя деть. «Может яду выпить» – подумал он малодушно. Сигарета в его руке истлела и обожгла пальцы. Самсон подул на них, а затем сжав ладонь в кулак, что есть мочи ударил в стену. На костяшках пальцев проступила кровь. Теплые, колючие слезы потекли по его щекам. Запрыгал по столу телефон, кровожадно урча, испугав Самсона. Штиц от неожиданности дернулся, взглянул на номер, звонил Вазян.

Арнольд проснулся от дикой головной боли, черепушка буквально раскалывалась на части, в горле стоял ядовитый вкус хрена. Вазян кое-как доковылял до туалета, приподнял крышку унитаза и долго стоял с открытым ртом, мучаемый желудочными спазмами, сжимая

обеими руками голову. Наконец-то его вырвало, мерзкой жижей, как ни странно, стало чуточку легче. Он умылся и вернулся в постель.

«Очень странно – подумал Вазян – словно бы эти упыри знали, зачем шли. А если это так, значит, их кто-то навел. И как ни крути, все пути ведут к этому сукиному менеджеру Грише, ведь он один знал, где мы и что при нас деньги. Хотя он сам пострадал не меньше нашего, но за такую сумму, любой дурак согласится получить пару фингалов, при этом подозрений никаких. Нет, нет – размышлял Вазян – наивно полагать, что нас обули посторонние, так на шару поживиться содержимым карманов. Бред. Тут к гадалке не ходи, все красными нитками шито».

Вазян дотянулся до мобильного и набрал номер Самсона.

Самсон долго смотрел на пляшущий по столу телефон, затем, вытер ладонью слезы, высморкался и поднес к уху трубку.

– Да – заупокойным голосом произнес он.

– Это Вазян – взволнованно пробормотал телефон.

– По хрен мне кто это, че тебе надо?

– Я вот что подумал, это ведь не просто так случилось. Думаю Гриша навел, он один знал про деньги.

– А какого ты мне звонишь? – огрызнулся Самсон – ему и звони.

– Так ему-то чего звонить? – удивился подобной реакции Вазян.

– А мне чего звонить, я по-твоему киллер, пойду этого козла паяльником убивать, отдай наше бабло? Развели нас как лохов педальных, вот и все.

– Самсон, это он, по-любому, больше некому. А те ребята они непросто...

– Иди в жопу – недослушав до конца, заорал Самсон и запустил телефон в раковину.

Сходив за аптечкой, Штиц обработал руку йодом и закурил.

Вдруг раковина задрезжала, наполнившись непонятным звуком. Самсон подошел, взглянул, вновь звонил телефон, оказавшись довольно выносливым к механическим повреждениям. Штиц повернулся и уставился в окно. Телефон пугал раковину минуты две, затем утомившись смолк, однако через несколько минут, звонок повторился и, продребезжав какое-то время, вновь затих. Лишь когда телефон зазвонил в пятый раз, Самсон взял трубку.

– Алло, алло – раздалось в трубке – Самсон, это Гриша.

– Че надо? – без какой-либо эмоциональной окраски произнес Самсон.

– Я тут это, короче шеф меня спросил, пришлось рассказать – словно оправдываясь, говорил Григорий.

– О чем? – все тем же холодным, стальным голосом произнес Самсон.

– Ну как, то что нас побили, ну – Гриша слегка замаялся, а потом все же нерешительно выдавил из себя – обокрали.

– Не вас – повысил голос Самсон – не вас, Гриша, а нас, нас с Вазяном обокрали. И вот еще, Гриша, есть подозрения, что обокрали нас по наводке. По твоей, Гриша, наводке.

– Да ты, да я... – Гриша захлебывался от ярости – да вы че, мне чуть челюсть не снесли, да я...

– Иди ты в жопу – желчно крикнул Самсон и положил трубку.

Поднявшись с места, он вытряхнул переполненную пепельницу в мусорное ведро, захватил с собой зажигалку и сигареты и направился в комнату. Присев за письменный стол, Штиц включил компьютер, открыл папку с фотографиями и начал их смотреть. Это были старые, черно-белые фотки его юности, отсканированные и помещенные в папку «юность волосатая». У Самсона засосало под ложечкой. Он вспомнил, как в 16 лет, они вместе с друзьями организовали рок-группу, как он разучивал партии баса, до, ля, фа, соль, как учился брэнчать на акустике, сочиняя свои собственные песни, как писал наивные, глупые стихи о любви, чувстве справедливости, о природе.

Самсон улыбнулся. Он вспоминал канувшую безвозвратно молодость, с какой-то легкой грустью, с душевной теплотой. Затем мед институт, учеба, зубрежка. Вспомнил, как по неизвестной причине упал в обморок, присутствуя на операции по удалению аппендицита, как после этого над ним долго потешались однокурсники. На этой почве он даже подрался с Вовкой Анохиным и их обоих хотели исключить из института. Вовку на следующий год, все же отчислили, за академическую неуспеваемость. Штиц вспомнил, как впервые увидел свою жену Вика. Она не была писанной красавицей, но держалась так, словно бы ее мамой была сама английская королева. Это высокомерие и чванливость с которой Вика относилась к людям, поначалу пугали Самсона. А затем на одной из вечеринок, он влюбился в нее и все недостатки враз перестали существовать. Лишь спустя три года после женитьбы шоры с его глаз спали. Однако же Самсон и с этим смирился, «семья есть семья» – поговаривал он всякий раз, успокаивая себя. Но на работе стал все чаще прикладываться к спиртному, флиртовать с санитарками и даже вступать с ними в интимную связь. Безусловно, такое поведение супруга не нравилось Вике и это не могло не сказаться на их семейных отношениях. Вика постоянно ворчала, порой переходя на крик, вечно упрекая в чем-нибудь мужа по поводу и без. Последнее время они часто ссорились, после ссор подолгу не разговаривали друг с другом, затем мирились, и все начиналось заново, по отработанной программе.

Это ужасно выматывало обоих, со временем ссоры становились все более напряженными. А когда Самсон потерял работу, их и без того сложная семейная жизнь оказалась на грани краха.

– Я устал от всего этого – произнес Самсон вслух и закурил сигарету.

Размышляя о тяготах жизни, он безвозвратно удалил все фотографии из своего компьютера, переломал все компакт диски с записями, дорогих его сердцу, рок певцов. Штиц с детства полюбил рок-музыку, она была созвучна с его внутренним мироощущением, романтика и бунтаря, «вдохновенного дилетанта по пути в гастроном». Свой первый, маленький кассетный магнитофон, он приобрел в магазине «юный техник», в отделе некондиционных товаров. Устранив неполадки, Самсон отправился в музыкальный киоск и купил кассету с песнями группы Аквариум. Лежа на диване, в допотопных наушниках, он слушал Гребенщикова и счастье, неопишное словами, переполняло его мятежную, юношескую душу. А уж когда рок-музыка перекочевала с виниловых и пленочных носителей в формат МРЗ, Самсон скупил для своей коллекции практически весь русский рок. В большом объеме был представлен Питерский рок-клуб: на первом месте стоял Аквариум Гребенщикова, за ним с большим отрывом шли Алиса и Телевизор, Кино и Майк с группой Зоопарк, Аукцион, Ноль, Странные игры, ДДТ и много иных команд, гремевших в то смутное время в Питере. Московский рок Самсон не любил, хотя и считал себя истым москвичом. Ему нравились некоторые столичные коллективы, такие как Крематорий, Ария, а из других команд он мог слушать лишь некоторые песни и то по два, три раза не больше. Особняком в его иерархической рок-лестнице шли три персоны, перед которыми он преклонялся и считал их по уровню не ниже самого БГ. Это были – Янка Дягилева, Летов и Башлачев. Их Самсон мог слушать без перерыва на завтрак, ужин и обед практически круглые сутки напролет. К тому времени у него уже был хороший музыкальный центр, где можно было крутить и CD диски и кассеты. По этой причине Штиц все никак не решался выбросить огромный запас своих аудиокассет. Среди них хранились и такие, которые он собирал сам, скрепляя их болтами, вставляя внутрь прокладки из пленки, склеивая лаком для ногтей магнитную ленту. Но в один прекрасный день, делая с женой генеральную уборку, перед очередным праздником, Самсон сложил все кассеты в мусорный мешок и снес на помойку.

Вновь затарахтел телефон, прерывая его сладостные воспоминания. Звонила жена.

– Алло! – как можно непосредственнее произнес он, словно бы ничего не произошло.

– Я больше так не могу – взволнованным голосом сказала она, чуть не плача – я устала. Если тебе нравится такая жизнь, живи – и повесила трубку.

«Наверное, опять к матери поедет – подумал Самсон – насрать, я тоже устал от этих вечных ссор, скандалов, пусть поживет у тещи, может на пользу пойдет».

Телефон в этот день не умолкал.

– Да – гневно произнес Самсон.

– Это, я, Вазян. Мне Гриша звонил, клянется и божится, говорит все это нелепая, роковая случайность, дескать он никого не наводил и даже сам пострадал.

Штиц бросил трубку на диван и включил телевизор.

Гриша, выйдя из ванной, совершенно взбешенный разговором с Самсоном, решил позвонить Вазяну.

– Какого черта? – заорал Гриша, дозвонившись до Арнольда.

– Что? – изумился Вазян, не ожидая такой реакции Гвоздева.

– Я спрашиваю, какого черта? Мне не малого труда составило найти вас, затем уломать взяться за эту фигову работу, даю аванс, такую сумму, что самому не снилась, а потом, рискуя быть покалеченным, навожу на вас молодчиков, так, что ли? На хрен мне это нужно?

– Гриш, ты не обижайся – попытался сбить его пыл Вазян – но как ни крути, выходит именно так. Ты сам себя послушай...

– Вы что, совсем тронулись, зачем мне страдать, когда я и без того мог просто подослать двух ребят и все, не причиняя себе увечья. Короче я сказал шефу, что вас обчистили. Ему это по барабану, деньги вами были получены, хотите заявляйте в милицию. Вы должны будете отработать, вторую часть получите после того, как все закончится. Если захотите отказаться...

– Что, нужно будет вернуть аванс? – перебил его Вазян.

– Слушай, Арнольд, я ваших денег не брал, вот все что я могу сказать. Ждите звонка и начнем работать, все, пока.

– Пока – выдохнул Вазян и добавил уже положив в трубку – пошел в жопу, урод.

Гриша допил бутылку пива и задумался.

«Ведь ни я, ни шеф не знали где они. Однако он попросил, чтобы я позвонил и выяснил».

– Гриша, что за бред? – сказал он вслух, сам себе.

– Почему же бред, вовсе не бред – возразило его второе я – ведь если это было неслучайно, значит, подстроено. Знали о том, что они в кабаке двое. Завтра нужно будет спросить у шефа. Хотя, как и что я его спрошу? Ведь он специально послал меня, чтобы я их сразу развез по домам.

Глава 9

Гриша проснулся раньше обычного, принял душ и побрился. На кухне заварил чайку, не спеша попил его с бутербродом и принялся собираться на работу. Погладил рубашку и брюки, оделся, начистил обувь и пошел на работу. Увидев Гришу, шеф махнул ему рукой, Гвоздев растолковал этот жест, как просьбу подождать и присел на стул. Босс был явно возбужден, он разговаривал с кем-то по телефону, расхаживая взад-вперед, словно тигр в клетке. Повесив трубку, Вадим обратил свой взор на Гришу.

– Ну, все, приехали – сказал он взволнованно.

– Что-то случилось? – поинтересовался Гриша осторожно.

Вадим слегка покачал головой, пристально смотря на Гришу, глаза его блестели, как у хищника, почуявшего добычу.

– Клиент прибыл. Завтра мы с тобой встречаемся с их представителем, нам понадобятся твои кролики.

– Какие кролики? – удивился Гриша.

– Врач и искусствовед, он должен взглянуть на них. Моли бога, Григорий, чтобы они понравились ему, нашему далекому, заоблачному другу. Если все пойдет так, как мы планировали, подписываем контракт, получаем подробные инструкции.

Гриша понимал, Вадим говорит лишь то, что положено знать ему, менеджеру среднего звена, и молчит о том, что знать Гвоздеву не положено. «Пусть так – подумал Гриша – я как солдат, с меня достаточно того, что я выполняю приказы. Меньше знаешь, лучше спишь».

– Ты обзвони сегодня своих орлов – прервал поток Гришиных мыслей шеф – встреча в два часа дня, я снял офис на Полянке. Опоздать никак нельзя, и в этот раз, дорогой ты мой, без фокусов, а не то секир башка. Тут мамы нет, ругать тебя, да и меня никто не будет. Понял?

Гриша напрягся.

– И – замаялся он – ребятам сказать...

– Нет – перебил его шеф – их пугать не нужно, они и так прекрасно понимают, в отличие от тебя, куда попали.

Гриша понял о чем идет речь и опустил глаза вниз.

– Это послужит тебе и им уроком. Ни на минуту нельзя расслабляться, мы в клетке с тиграми, одно неверное движение, тебя вместе с дерьмом твоим сожрут и никто не узнает, где могилка твоя. Гриша, прошу тебя повнимательней, мои инструкции, просьбы, приказы, пожелания выполнять с особой тщательностью, никакой отсебятины, никакого алкоголя, баб, веселья. После, все после, и пляжи, и бабы, и виски с мартини.

– Я бы на Кубу съездил – мечтательно вздохнул Гриша.

– Съездишь, если в живых останешься – съзвил шеф – все, собирай хлопцев, завтра созваниваемся. Вам всем троим быть возле метро «Полянка», в час дня. Я позвоню, скажу адрес и объясню, что нужно делать. Форма одежды обычная, чистая, поглаженная, без дырок и пятен. Все ступай.

– А, сейчас – растерянно спросил Гриша – домой можно идти?

– Да – отрезал шеф, переключая внимание на экран монитора – завтра с друзьями, в час не забудь.

На следующий день коллеги встретились в час дня возле метро «Полянка».

От Самсона пахло перегаром. Его слегка подташнивало, лицо было бледное с желтоватым оттенком, глаза красные. Вазян был небрит, густая щетина нерономерно торчащая на его щеках выглядела отталкивающе, одет он был в голубые джинсы и жеванную клетчатую рубаху.

Гриша взглянул на эту пару и сердце его сжалось от ужаса.

– Вы что? – чуть не плача закричал он – совсем спятили, я же вам вчера сказал. Вы..., нам..., мне...

Гриша стал красный от гнева, он кричал и махал руками, захлебываясь яростью. Он не успел договорить, его прервал телефонный звонок, звонил Вадим.

– Да, шеф, да, ждем. Хорошо. Хорошо.

Они обогнули книжный магазин, прошли по улице, завернули во двор и подошли к черной железной двери.

Гриша взглянул на часы и закурил сигарету. Вазян последовал его примеру, Самсон курить не стал, его тошнило. Жена Самсона в очередной раз уехала к маме, и он весь вечер пил горькую и курил одну за другой сигареты. За вечер и половину ночи он выпил литр водки и выкурил три пачки сигарет.

– Я до ларька, воды куплю – сказал Штиц хриплым, отрешенным голосом.

– Нет, нет, сейчас уже войдем, нельзя уходить – запричитал Гриша.

Самсон, игнорируя слова Гвоздева, повернулся и отправился в поисках ларька. Он ходил минут десять, за это время ничего не произошло.

Без трех минут два раздался звонок.

– Да, шеф, да мы здесь, ждем, хорошо – отрапортовал Гриша.

Дверь щелкнула, все трое вошли внутрь. Их встретил охранник – великан с каменным лицом, его массивный бритый затылок, блестел, как бильярдный шар.

Он проводил троицу по длинному, узкому коридору до кабинета.

– Вас ждут – сухо сказал он и открыл дверь.

В кабинете стоял круглый стол, за ним сидел Вадим и мужчина, маленького роста с противным лицом красного цвета и большими оттопыренными ушами.

– Добрый день, господа – поздоровался краснолицый.

Он произносил слова с небольшим акцентом, растягивая их словно резинку, готовясь прихлопнуть ей муху.

– Это врач – сказал Вадим недовольно и указал на Самсона – это искусствовед, а это мой помощник Григорий.

Вадим так жестко и ненавистно глянул на Гришу, что тот готов был провалиться сквозь землю. Гвоздев отвел взгляд и уставился на стенку.

– Коршо – сказал мужчина и замолчал, словно ожидая чего-то.

Воцарилась нелепая, неуютная, пугающая тишина. Вадим заискивающе уставился на краснолицего, затем, подождав немного, обратился к Грише.

– Подождите меня на улице – приказным тоном произнес он.

Гвоздев понятливо кивнул головой и вся троица вышла из кабинета.

Охранник вновь проводил их к выходу и запер дверь.

Они вышли на улицу и закурили. Руки менеджера заметно дрожали.

– Сыкотно – сплюнул Штиц вязкую слюну, заметив Гришино волнение.

– Вы уроды – чуть не плача произнес Гвоздев – я же нормально попросил вас вчера. Что нельзя было душ принять, одеться нормально. Это такая малость. А меня сейчас из-за вас так вздрючат, что мама не горюй.

– Погано как-то на душе, словно в говно окунулся с головой – произнес Вазян могильным голосом – мы стояли там как шлюхи последние. Осталось еще штаны снять и раздвинуть булки, тогда бы был полный ажур. Смотри Самсон, как эти суки работают. Они нас в два приема загнули и оттрахали, а мы даже и не думали сопротивляться. Еще вчера я жил себе, худо-бедно, но жил и был свободным человеком в свободной стране. А сегодня я крепостной, по сути, раб и должен делать, то что мне скажут. Слушай, а не послать ли нам их куда подальше, к такой-то матери?

– Мы и так шлюхи – глубокомысленно произнес Самсон – не вижу кардинальных различий. Нас купили, а теперь трахают. И твоя правда Вазян, трахают, как последних шлюх, за жратву. Выпили, покушали, а теперь нагибайтесь.

– Все не так – попытался успокоить их Гриша – никто не пытался вас кинуть. Это получилось само собой просто нелепая случайность.

Произнес он, не совсем веря в то что говорит. Два приятеля по несчастью не слушали менеджера, они были полностью погружены в свои нелегкие думы.

У Гвоздева зазвонил телефон. Это звонил шеф.

– Алло – робко произнес менеджер, ожидая худшего.

– Гриша, это твое последнее китайское предупреждение. Понял меня – раздался орущий голос шефа из трубки – ты совсем debil или как, скажи мне?

Гриша молчал, сердце у него выпрыгивало из груди, страх, замешанный на негодовании, душил его. Все инструкции шефа были соблюдены и он не виноват если эти уроды повели себя неправильно. Однако этого, Гриша сказать в свое оправдание не мог, он вполне понимал, что тем самым вызовет только новую бурю гнева, которая обрушится на него, словно напалм на вьетнамскую деревню.

– Короче ладно – вдруг неожиданно смягчился шеф – считай, что тебе и твоим друзьям повезло. Отправляй их по домам, скажи чтобы собирались. Завтра с утра заедешь за ними, и отправитесь. Куда их не должно волновать. Я спущусь через полчаса, подожди меня.

В трубке раздалась короткие гудки.

Гриша слегка отдышался, пришел в себя и сообщил ребятам приятную новость.

– Все прошло хорошо – не скрывая улыбки, произнес он – завтра отправляемся. Идите домой, собирайтесь, я заеду утром. Все инструкции получу от шефа, завтра все подробно сообщу, что и куда. Так что, все хорошо. Ура.

Гриша был крайне возбужден. Ему хотелось петь, плясать, подпрыгивать от переполняющей его души радости. Самсон и Вазян никак не отреагировали на это веселое заявление.

Самсон еще раз смачно сплюнул и хриплым голосом произнес:

– До завтра.

Повернувшись, он зашагал в сторону метро. Вазян направился вслед за ним. Григорий остался ждать шефа.

Рано утром Гриша на машине заехал за Вазяном, затем они забрали Самсона.

– Куда едем? – зевая, спросил Самсон.

– В деревню – произнес Гриша, следя за дорогой.

– В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов – продекларировал Вазян, развалившись на заднем сидении.

– Короче, деревня эта далеко от Москвы. Жители там крепостные крестьяне – принялся вводить в курс дела Гриша.

– Как это? – удивился Вазян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.